

I.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМІЯ

ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ЛЮДОВИКА-ФИЛИППА (*).

(Изъ записокъ прусскаго генерала отъ интендеріи Брандта).

Въ «Военномъ Сборникѣ» было помѣщено описаніе «похода Наполеона въ Россію въ 1812 году», заимствованное изъ бесмертныхъ записокъ прусскаго генерала Брандта, именно изъ первой части ихъ (**). Вторая часть записокъ заключаетъ въ себѣ очеркъ нѣкоторыхъ событій, совершившихся въ періодъ времени съ 1828 по 1833 годъ, и, между прочимъ, поѣздку Брандта во Фран-

(*) Наполеонъ III наследовалъ отъ юльской монархіи армію благоустроенную и дисциплинированную, опытныхъ генераловъ и надежныхъ офицеровъ. Все это было достигнуто личными трудами орлеанскихъ принцевъ, преимущественно старшаго сына короля Людовика-Филиппа. Воспользовавшись плодами чужихъ трудовъ, основатель второй имперіи, долженствовавшей быть, по его словамъ, «широко», не поколебался начать войну съ Россіей; но послѣ парижскаго мира 1856 года, когда ветераны арміи или услали своими костюми севастопольскую почву, или погибли въ госпиталяхъ, или вышли въ отставку, и когда мѣсто ихъ заступило новое поколѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ второй имперіи, прежде столь боевая французская армія была доведена до такой степени моральной порчи, что, на нашихъ глазахъ, изумила міръ безпримѣрными своими поражениями.

Замѣтки генерала Брандта о французской арміи относятся къ первымъ годамъ царствованія Людовика-Филиппа. Главный интересъ ихъ заключается въ той параллели, которую читатель можетъ мысленно провести между двумя, столько несходными между собою, эпохами французской исторіи вообще и французской арміи въ частности. Кромѣ того, интересъ замѣтокъ Брандта сосредоточивается на тогдашнихъ главныхъ военныхъ дѣятеляхъ, герцогахъ Орлеанскомъ, маршалахъ Сульта, генералахъ Себастиани, Ашаръ, Жаменъ, Жакино, Эксельманъ и на нѣкоторыхъ генералахъ первой наполеоновской имперіи, и, наконецъ, на томъ роковомъ вліяніи, которое политическіе перевороты во Франціи всегда имѣли на духъ арміи. Выводы изъ этого очерка читатель сдѣлаетъ безъ труда. Ред.

(**) «Военный Сборникъ» 1870 года, №№ 1—6.

цію въ 1833 году. Сынъ покойнаго генерала, издавшій записки, говорить въ предисловіи, что хотя онъ и имѣеть въ своемъ распоряженіи мемуары отца и послѣ 1833 года, но не настало еще время обнародовать ихъ: еще живы дѣятели знаменательныхъ въ прусской и германской исторіи 1848—1850 годовъ.... Только тогда, когда они сойдутъ въ могилу, можно будетъ предъявить будущему историку матеріалы, оставшіеся послѣ генерала Брандта.

Первая часть записокъ оканчивается, какъ припомнать читатели «Военнаго Сборника», гибелью наполеоновой арміи въ Россіи. Изъ обломковъ «легіона» Вислы, въ которомъ Брандта принудили служить какъ тогдашняго подданнаго французской имперіи, былъ сформированъ «полкъ» Вислы; съ нимъ онъ участвовалъ въ битвѣ подъ Лейпцигомъ (въ первый день ея, 4-го—16-го октября), былъ два раза тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ русскими войсками. Въ 1815 году, по предложенію генерала Хлепцкаго, своего бывшаго начальника, Брандтъ поступилъ капитаномъ и ротнымъ командиромъ во вновь сформированный 7-й полкъ польской арміи, реорганизація которой началась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ великаго князя Константина Павловича; но когда, въ силу вѣнскаго трактата, Познань отошла къ Пруссіи и Брандтъ изъявилъ желаніе перейти въ службу своего природнаго государя, цесаревичъ Константинъ, любившій и уважавшій Брандта какъ отличнаго офицера, долго не соглашался на его увольненіе, далъ ему, вмѣсто отставки, безсрочный отпускъ, и только въ 1816 году, по ходатайству прусскаго министра-президента въ Варшавѣ, Брандтъ былъ уволенъ изъ польской арміи.

Перейдя въ прусскую армію, Брандтъ состоялъ, до апрѣля 1818 года, при 11-мъ пѣхотномъ полку, потомъ командовалъ ротой въ 35-мъ и въ 37-мъ пѣхотныхъ полкахъ, служилъ преподавателемъ въ дивизионной школѣ, и въ 1828 году, сдѣлавшись извѣстенъ генералу Валентину, былъ переведенъ преподавателемъ въ берлинскій кадетскій корпусъ. Затѣмъ онъ читалъ лекціи въ военномъ училищѣ и состоялъ экзаменаторомъ въ главной военно-испытательной комисіи.

На военно-литературное поприще Брандтъ выступилъ въ 1823 году съ разсужденіемъ «о необходимости возстановленія драгунъ, какъ войска сражающагося въ конномъ и въ пѣшемъ строю», и до преклонныхъ лѣтъ оставался вѣренъ высказаннымъ имъ тогда мыслямъ. Извѣстно, что нынѣ мысль о конно-пѣшемъ войскѣ возбуждена опять съ большимъ оживленіемъ.

Въ томъ же 1823 году, когда испанскія смуты обращали на себя всеобщее вниманіе, Брандтъ, коротко знакомый съ Испаніей, гдѣ онъ долго сражался въ рядахъ французской арміи, издалъ брошюру: «Ueber Spanien, mit besonderer Rücksicht auf einen etwaigen Krieg», а въ слѣдующемъ 1824 году напечаталъ свои «Ansichten über die Kriegskunst im Geiste der Zeit».

Въ 1830 году онъ былъ произведенъ въ майоры, съ переводомъ въ генеральный штабъ.

Поѣздка его во Францію, по особенному порученію, отлосится, какъ выше сказано, къ 1833 году, т. е. къ тому времени, когда новая династія, вызванная іюльскою революціей, только что начала утверждаться на престолѣ и еще боролась противъ враждебныхъ ей партій.

Для характеристики этого времени и для лучшаго пониманія отчета Брандта о возложенномъ на него порученіи, необходимо привести себя на память нѣкоторые историческіе факты.

Между основателями іюльскаго престола очень скоро возникъ разладъ въ мнѣніяхъ относительно послѣдней цѣли либерализма. Тѣ, которые въ палатѣ помѣстились на крайнемъ концѣ лѣвой стороны, Лафайетъ, Одильонъ Барро, Могенъ, Ламаркъ, Демарсэ, съ товарищами, требовали самаго слабаго избирательнаго ценза, даже всеобщаго права подачи голоса, чтобы въ выборѣ депутатовъ найти истинное выраженіе народнаго голоса, и тѣмъ образовать дѣйствительное народопредставительство, т. е. представительство со стороны большинства націи, а не одной зажиточной меньшей части ея. Кромѣ того они требовали, чтобы Франція немедленно поддержала борьбу возмущавшихся противъ своихъ государей народовъ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, всю Европу участницею либерализма и направивъ общее движеніе къ одной цѣли, причемъ довольно открыто высказывалось желаніе воспользоваться общею войною, какъ удобнымъ случаемъ получить обратно германскія и итальянскія земли, потеряныя по первому парижскому миру. Другая часть либераловъ хотѣла удовольствоваться умѣреннымъ пониженіемъ избирательнаго ценза, увеличить число избирателей и избираемыхъ, но удержать право выбора и за зажиточными средними класами, а относительно вѣдшей политики слѣдовать принципу невмѣшательства и только тогда взяться за оружіе въ пользу бельгійцевъ и поляковъ, когда Прусія и Австрія подадутъ помощь королю нидерландскому и императору русскому. Такъ какъ, въ этомъ отношеніи, роялистскіе депутаты, сидѣвшіе на правой сторонѣ палаты, были согласны съ партіей среднихъ класовъ, то обра-

зовался центръ для поддержки новаго трона. Либералы этого центра, такъ называемая tiers-parti (*), отличались отъ роялистовъ центра тѣмъ, что считали Людовика-Филиппа способнѣйшимъ носить санъ короля, *хотя* онъ и былъ Бурбонъ, а роялисты признавали его самымъ способнымъ, *потому что* онъ былъ Бурбонъ. Доктринеры (Гизо, Бролю, Перемль), стоявшіе во время реставраціи въ оппозиціи, были теперь представителями конституціоннаго роялизма; крайній конецъ правой стороны, державшійся строго-роялистскаго принципа, примыкалъ слегка къ легитимистамъ, которые видѣли спасеніе Франціи въ восстановленіи павшей династіи, а крайній конецъ лѣвой — къ республиканцамъ, которые хотѣли восстановленія республики. Первые состояли изъ дворянъ и духовныхъ, вторые изъ молодыхъ мечтателей и изъ пожилыхъ безумцевъ или интригановъ, думавшихъ поправить свои плохія обстоятельства. Въ самой палатѣ ни одна изъ обихихъ партій не имѣла явныхъ защитниковъ; большинство же націи въ зажиточныхъ среднихъ классахъ не сочувствовало стремленіямъ ни той, ни другой и вовсе не желало вѣшной войны.

Людовикъ-Филиппъ вѣрно понималъ, что его невротный престолъ могъ быть утвержденъ только политикою, согласною съ мнѣніями центровъ, и потому всячески льстилъ лѣвому центру, имѣвшему въ началѣ перевѣсъ, и среднимъ классамъ, образовывавшимъ силу этого центра: онъ пожималъ руку національнымъ гвардейцамъ и приглашалъ парижскихъ буржуа на празднества въ Тюльери. Лафитъ, котораго король назначилъ президентомъ министерства, хотя и стоялъ прежде ближе къ крайней лѣвой, нежели къ центру, былъ однако постепенно настроенъ впаде въліяніемъ Людовика-Филиппа и другихъ министровъ, въ особенности маршаловъ Себастіани и Сульта, или, по крайней мѣрѣ, вынужденъ самымъ своимъ положеніемъ примкнуть ко мнѣніямъ центровъ. Эти мнѣнія одержали побѣду при преніяхъ объ избирательномъ цензѣ (въ февралѣ 1831 года). Несмотря на то, что число избирателей было увеличено съ 80,000 до 200,000, а избираемыхъ съ 8,000 до 24,000, бездомные буржуа не получили доступа въ палату, потому что право тѣхъ и другихъ обуславливалось, во врежнему, высокимъ налогомъ на имущество. Умѣренное большинство рѣшило и вопросъ о войнѣ, послѣ того какъ Себастіани, министръ иностранныхъ дѣлъ, объявилъ въ палатѣ, что Франція ничего не можетъ сдѣлать для Польши, удаленной отъ ея границъ на четыреста часовъ, а военный министръ, маршалъ Сультъ, сказалъ,

(*) Третья или средняя партія между доктринерами и либералами крайней лѣвой. Наменъ на tiers-état 1789 года.

что Франція не въ состояніи воевать со всею Европою. Напротивъ того, генералъ Ламаркъ обвинялъ министровъ, что они ведутъ государственную колесницу по роковой колесѣ своихъ предшественниковъ и измѣною народамъ хотятъ узаконить дѣло свободы въ глазахъ королей. 14-го февраля, 1831 года, волненіе поддерживаемое преніями въ палатѣ, разразилось уличными неистовствами: въ этотъ день легитимисты служили въ церкви Сень-Жерменъ д'Оссеруа панихиду по герцогу Берійскому, умерщвленному за одиннадцать лѣтъ, и послѣ богослуженія носили по церкви его увѣнчанный бюстъ. Чернь, праздноу карнавалъ, ворвалась въ церковь, совершенно опустошила внутренность ея, на другой день разграбила домъ парижскаго архіепископа, и затѣмъ въ продолженіе двухъ дней бушевала на улицахъ, срывая лиліи съ гербовъ на общественныхъ зданіяхъ, пока національная гвардія не прекратила безпорядковъ. Уступчивость правительства подлила, однако, масла въ огонь: объявленіе Монитера, что лиліи исключаются изъ государственнаго герба, жаркія рѣчи въ палатѣ по поводу избирательнаго закона и польскихъ дѣлъ, зажигательныя газетныя статьи о ходѣ борьбы поляковъ съ русскими—всего этого было слишкомъ достаточно для поддержанія ежедневнаго уличнаго шума. Вдобавокъ, въ мартѣ, вспыхнуло возстаніе въ Италіи. Лафитъ высказалъ мнѣніе, что, по причинѣ вооруженнаго австрійскаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла, слѣдуетъ объявить Австріи войну; но король и министръ иностранныхъ дѣлъ на это не согласились. Лафитъ вышелъ изъ министерства.

13-го марта король назначилъ президентомъ совѣта министровъ депутата Казимира Перье, который всецѣло сочувствовалъ системѣ средней партіи и давно былъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ вождей либеральнаго центра. Онъ съ большою твердостью принялся за подавленіе революціонной пропаганды, прекратилъ уличныя безчинства, возобновившіяся въ апрѣлѣ и въ іюнѣ, національною гвардіей и войсками, и арестовалъ главныхъ зачинщиковъ. 20-го апрѣля, послѣ принятія избирательнаго закона, король закрылъ засѣданія палаты. Въ новой палатѣ, открытой 23-го іюля, большинство за систему средней партіи было еще сильнѣе; тѣмъ не менѣе, Людовикъ-Фелиппъ и министерство, подъ давленіемъ общаго настроенія умовъ, нашлись вынужденными допустить въ конституціи измѣненіе, котораго требовала только одна лѣвая сторона палаты, именно: уничтожить наследственность перскаго достоинства, ограничить званіе пера пожизненнымъ срокомъ и назначать перовъ отъ короны. Когда это предложеніе принято было въ палатѣ депутатовъ значительнымъ

большинствомъ голосовъ, король назначилъ (20-го ноября) тридцать шесть новыхъ перовъ, чтобы и въ верхней палатѣ дать закону необходимое большинство при голосованіи. 13-го января 1832 года законъ былъ принятъ и здѣсь.

Но республиканцы не дремали. Вѣсть о паденіи Варшавы произвела въ Парижѣ такое смятеніе, что замышленное республиканскою партіей возстаніе было подавлено лишь энергическими мѣрами, и не безъ кровопролитія. Въ Страсбургѣ, въ Перпиньянѣ, въ Тулузѣ, въ Тулонѣ, въ Греноблѣ, въ Марсели повторились подобныя же сцены. Въ Лионѣ дѣло дошло до открытой междоусобной войны: рабочіе, подъ предлогомъ отказа фабрикантовъ возвысить задѣльную плату, построили въ ноябрѣ баррикады въ предмѣстьѣ Краснаго Креста и одолѣли высланныя противъ нихъ регулярныя войска и національную гвардію. Съ большимъ трудомъ удалось герцогу Орлеанскому и маршалу Суаьту возстановить наружное спокойствіе при помощи 20,000 солдатъ. Въ это время, ненависть къ королю достигла крайнихъ предѣловъ: безчисленныя карикатуры, изображавшія голову Людовика-Филиппа въ видѣ груши, выставляли его на посмѣшище черни. Еще худшія послѣдствія повлекло за собою постепенное удаленіе короля отъ буржуа и отъ національныхъ гвардейцевъ, съ которыми первое время онъ самъ искалъ сблизиться; это сильно оскорбило средніе классы, да, вдобавокъ, и министры сдѣлали промахъ: 4-го января 1832 года они употребили выраженіе: «король Франціи» и «подданные короля». На другой же день, сто шестьдесятъ четыре либеральныхъ депутата, въ числѣ ихъ и Лафайетъ, предъявили формальный протестъ въ томъ смыслѣ, что послѣ іюльской революціи во Франціи нѣтъ больше подданныхъ, потому что народъ завоевалъ принадлежащую ему верховную власть (*souveraineté*). 8-го марта Лафайетъ еще разъ объявилъ державство народа жизненнымъ принципомъ будущаго существованія Франціи.

Къ счастью Франціи, всѣ эти вопли нисколько не смущали энергическаго Казимира Церье: онъ упорно слѣдовалъ своему плану устранить разрушительныя начала, мѣшавшія возстановленію правильнаго государственнаго порядка. На постоянныя же жалобы палаты относительно вѣтшей политики онъ отвѣчалъ экспедиціей въ Анжону, вслѣдствіе чего эта крѣпость была занята 23-го февраля 1832 года французами, которые получили въ ней протавовѣсь австрійскому вступленію въ папскую область. Еще сильнѣе подѣйствовало на успокоеніе войнолюбивой партіи внезапное появленіе въ Парижѣ, 20-го марта, посреди карнавальнаго разгула, жестокой холеры, заставившей боль-

шую часть провинціальныхъ депутатовъ поспѣшно разѣхаться по домамъ. Однако и холера послужила поводомъ къ безчинствамъ черни, воображившей, что болѣзнь происходитъ отъ отравы, и потому, чтобы успокоить волненіе умовъ, Перье сопровождалъ герцога Орлеанскаго при посѣщеніи имъ обширнаго госпиталя Hôtel-Dieu. Въ сожалѣнію, Перье заразился самъ и умеръ 15-го мая. Король назначалъ временнымъ президентомъ министерства маршала Сульта, который, въ качествѣ военнаго министра, улучшилъ и привелъ въ порядокъ армію, заброшенную при старшихъ Бурбонахъ.

Изъ вышеназложенныхъ фактовъ видно, какъ нужно было новому правительству имѣть благоустроенную и дисциплинированную армію. Она понадобилась, на примѣръ, для усмиренія возставшей Вандеи, гдѣ появилась герцогиня Берійская, какъ орудіе легитимистской партіи, хотѣвшей возвести на престолъ сына ея, подъ именемъ Генриха V, и для подавленія формальнаго бунта въ Парижѣ, произведеннаго, 5-го іюня 1832 года, республиканцами по поводу погребенія генерала Ламарка, отстававшаго въ палатѣ ихъ принципы. Не менѣе 60,000 человекъ регулярнаго войска и національной гвардіи нужно было употребить для овладѣнія тѣми кварталами, въ которыхъ утвердились мятежники. Это событіе повлекло за собою измѣненіе въ составѣ министерства: Монталиве, министръ внутреннихъ дѣлъ, присовѣтовавшій объявить Парижъ въ осадномъ положеніи и подписавшій королевское повелѣніе о томъ, долженъ былъ выйти въ отставку; мѣсто его занялъ Тьеръ, тогда тридцатилѣтній молодой человекъ; Гизо былъ назначенъ министромъ просвѣщенія; герцогъ Броліо министромъ иностранныхъ дѣлъ; Барть министромъ юстиціи; Сультъ остался военнымъ министромъ и президентомъ совѣта министровъ.

Новое министерство, слѣдуя примѣру Казимира Перье, постаралось прежде всего поднять значеніе правительства, ослабленное объявленіемъ Парижа въ осадномъ положеніи, и не поколебалось принять для того строгія мѣры противъ промсковъ враждебныхъ партій. Въ лицѣ Сульта, стараго война и наполеоновскаго маршала, и въ лицѣ доктринеровъ Броліо и Гизо, изъ которыхъ первый принадлежалъ, кромѣ того, въ высшей аристократіи, строгость мѣръ отъѣчала политическому характеру этихъ министровъ; напротивъ, министра юстиціи, который самъ былъ членомъ народныхъ обществъ, упрекали въ возбужденномъ имъ преслѣдованіи, какъ въ противорѣчій прежнимъ его навѣстнымъ принципамъ, а Тьера лѣвая сторона просто обвиняла въ отступничествѣ. Даже средняя партія—tiers-

parti — не хотѣла, чтобы ее считали партией Тьера, parti-Thiers, а между тѣмъ, по распоряженію именно этого министра, была арестована, 5-го ноября, въ Нантъ, герцогиня Берійская: ее предалъ облагодѣтельствованный ею нѣмецкій жидъ, Дойцъ, подкупленный за большія деньги. 10-го мая 1833 года, герцогиня, заключенная въ замкъ Блэ, близъ Бордо, разрѣшилась отъ бремени дочерью и объявила себя въ тайножѣ бракъ съ сицилійскимъ графомъ Луккеси. Это событіе обезоружило партіи. Смѣшанные легитимисты упали духомъ; либералы же, вообразивъ, что вдова герцога Берійскаго находится въ супружествѣ съ простолюдиномъ, присмирѣли, и потому правительство не поколебалось освободить герцогиню (8-го іюня) и отправить ее въ Сицилію.

Гарантированная отъ промсковъ легитимистовъ, орлеанская монархія могла считать себя безопасною и со стороны бонапартистовъ, все еще многочисленныхъ и ободрившихся надеждами послѣ іюльскаго переворота: 22-го іюля 1832 года умеръ въ Шёнбрунѣ, на двадцать первомъ году, герцогъ Рейхштадтскій. Для орлеанской династіи кончина сына Наполеона была такимъ же счастливымъ событіемъ, какъ разрѣшеніе отъ бремени матери герцога Бордоскаго по отношенію къ легитимистамъ.

Но расчеты орлеанской династіи на успокоеніе умовъ не оправдались: ненависть партій къ Людовику-Филиппу повсюду искала себѣ новыхъ путей къ проявленію. Когда, 19-го ноября 1832 года, король, окруженный блестящимъ штабомъ; конвоируемый драгунами и національными гвардейцами, ѣхалъ на открытіе палатъ, раздался пистолетный выстрѣлъ при поворотѣ кортежа на углу улицы. Такъ какъ виновникъ открытъ не былъ, то газетные крикуны распространили слухъ, будто посягательство на убійство было устроено слугами правительства съ цѣлію возбудить въ королю общее сочувствіе. Тѣ же органы общественнаго мнѣнія приписали полиціи и беспорядки, произведенные при погребеніи Ламарка.

Среди такой-то обстановки правительство усіяло внести въ палату 1833 года проекты законовъ, дѣйствительно полезныхъ для государства, въ числѣ ихъ муниципальный и департаментскій законъ, ослаблявшій начатую директоріей, довершенную Наполеономъ Бонапарте и сохраненную Бурбовами централизацию внутренняго управленія: префектамъ (гражданскимъ губернаторамъ) приданы были выборные совѣты департаментовъ, округовъ и городовъ. Гизо придвинулъ, цѣлесообразнымъ закономъ, элементарное обученіе ближе къ той точкѣ, на которую оно давно поставлено въ Германіи. Напротивъ,

проектъ укрѣпленія Парижа отдѣльными фортами былъ отринутъ. Желаніе Людовика-Филиппа имѣть въ нихъ опору своей власти было вызвано непрерывными вознями тайныхъ обществъ и бурными сценами, безпреставно повторявшимися въ разныхъ мѣстахъ королевства и имѣвшими явную связь съ этими обществами. Самымъ опаснымъ изъ нихъ было общество человѣческихъ и гражданскихъ правъ—вѣрный сколокъ якобинизма, никогда не умирившаго во Франціи. Людовикъ-Филиппъ чувствовалъ, что стоитъ на волканѣ, но принужденъ былъ отказаться отъ своего плана, когда убѣдился въ рѣшительномъ нерасположеніи національной гвардіи къ мысли объ укрѣпленіи столицы. Лястя общественному мнѣнію и стараясь пришить его съ проектомъ парижскихъ фортовъ, король приказалъ вновь поставить на вандомской колонѣ статую Наполеона и 28-го іюля, на второй день іюльскихъ празднествъ, торжественно открылъ ее (*).

Таково было положеніе дѣлъ во Франціи въ началѣ второй половины 1833 года, къ которой относится поѣздка Брандта. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что послѣднія сорокъ лѣтъ политической жизни французовъ не остались безъ вліянія и на политическія убѣжденія арміи; изъ отчета Брандта видно, что французская армія, отъ генерала до солдата, имѣла тогда въ средѣ своей представителей всѣхъ партій: въ ней были и карлисты, и орлеанисты, и бонапартисты, и республиканцы всѣхъ оттѣнковъ. Особенно ярко выдѣется эта черта изъ характеристикъ главныхъ командующихъ генераловъ, начертанной Брандтомъ. Удивительно то, что въ арміи, составленной изъ столь разнородныхъ и враждебныхъ одинъ другому

(*) Вандомская колонна, «Колонна Побѣдъ», была сооружена, по повелѣнію Наполеона I, на Вандомской площади, близъ Тюльерскаго дворца, въ воспоминаніе побѣдъ, одержанныхъ въ кампанію 1805 года. Эта колонна, подражаніе Траяновой въ Римѣ, отлита изъ металла четырехъ-сотъ двадцати пяти пушекъ (по другимъ же извѣстіямъ изъ металла 1,200 орудій), отбитыхъ у непріятелей, была поставлена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась южная статуя Людовика XIV, разбитая санкюлотами. Высота ея равнялась 134 футамъ, діаметръ 12 футамъ; окружавшіе ее винтообразно треста семьдесятъ восемь барельефовъ изображали событія войны 1805 года; вершина была обнесена галерей, посреди которой, на небольшомъ пьедесталѣ, возвышалась колоссальная статуя Наполеона. По возстановленіи Бурбоновъ, эта статуя была снята и замѣнена бѣлымъ элагомъ, который развѣвался до іюльской революціи 1830 года. Новая статуя, поставленная въ 1833 году по повелѣнію Людовика-Филиппа, изображала Наполеона въ извѣстномъ всему свѣту костюмѣ «маленькаго напарла»: въ треугольной шляпѣ, въ сюртукѣ сверхъ мундира и со зрительною трубкою въ правой рукѣ. Наполеонъ III распорядился представить своего дядю въ видѣ римскаго кесаря, въ тогѣ, увѣнчаннаго лавровымъ вѣнкомъ.

Извѣстно, что 4-го (16-го) мая 1871 года этотъ знаменитый историческій памятникъ уничтоженъ парижскою революціонною коммунаю.

T.

элементовъ, господствовали порядокъ, дисциплина, отличная боевая подготовка и вполнѣ воинственный духъ. Прусскій офицеръ свидѣтельствуешь, что высшіе и низшіе чины, несметая на разность своихъ симпатій къ той или другой династїи, къ тому или другому образу правленія, готовы были слиться воедино подъ «знаменемъ славы и чести», если бы того потребовала Франція. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство боевыхъ генераловъ и офицеровъ, служившихъ тогда во французской арміи, были главными виновниками такого ея настроенія. Не менѣе справедливо и то, что старшій сынъ Людовика-Филиппа, герцогъ Орлеанскій, поддерживаемый опытностію маршала Сульта, много способствовалъ своими стараніями улучшенію арміи (*).

I.

Порученіе посѣтить лагерь французской арміи. — Лагерь при Сентъ-Омерѣ. — Очеркъ расположенныхъ здѣсь войскъ. — Характеристика командующихъ генераловъ. — Историческія замѣтки о прежнихъ лагеряхъ при Сентъ-Омерѣ.

..... Король-гражданинъ, все болѣе и болѣе утверждавшійся на французскомъ престолѣ и окружавшій себя мнимо-республиканскими учрежденіями, вскружилъ голову многимъ, даже очень многимъ (**). Глаза всѣхъ были устремлены на Францію, гдѣ началъ водворяться нѣкоторый порядокъ. Повсюду только и слышалось объ опасностяхъ, грозившихъ Германіи; вездѣ шли разсужденія о французской арміи, которую литераторы, туристы и офицеры представляли въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Между тѣмъ какъ въ Шведтѣ дѣлаемы были приготовленія къ приему императора Николая, котораго ожидали въ августѣ, въ Бер-

(*) Черезъ тридцать семь лѣтъ, на нашихъ глазахъ, французская армія, послѣ двадцатилѣтняго правленія Наполеона III, оказалась безсильною въ борьбѣ съ нѣмцами, а предводители ея завывали себя бездарными....

Брандъ живо переноситъ читателя въ описываемую имъ эпоху и невольно заставляетъ сравнивать между собою прошлое съ настоящимъ Т.

(**) Назвавъ себя «королемъ-гражданиномъ» (roi-citoyen), ради сохраненія популярности у парижанъ и отнятія у республиканцевъ поводовъ къ жалобамъ, Людовикъ-Филиппъ мастерски разыгрывалъ свою роль. На улицахъ онъ появлялся не иначе какъ пѣшкомъ, въ простомъ сюртукѣ, въ былой поярковой шляпѣ и съ зонтикомъ подъ мышкою, раскланивался съ буржуа, жалъ имъ руки и даже дворъ свой устроилъ на мѣщанскій ладъ, такъ что каждый имѣлъ къ нему доступъ въ будничномъ платьѣ. Людовикъ-Филиппъ любилъ разсказывать о своей революціонной юности, о сраженіяхъ при Вальми и при Жемапѣ, въ которыхъ драмса подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, охотно выслушивалъ революціонныя пѣсни «Marseillaise» и «Parisienne» и самъ подпѣвалъ имъ. Но все это было лишь въ первые мѣсяцы царствованія, когда надлежало утвердить шаткіи престолъ всякаго рода уступками народному духу. Т.

лишь желали имѣть положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія о Французской арміи: хотѣли знать, какова она подъ ружьемъ въ лагерахъ, куда обыкновенно выступала въ концѣ лѣта, интересовались ея вооруженіемъ, снаряженіемъ и боевою подготовкою.

Въ первыхъ числахъ августа 1833 года я получилъ приказаніе явиться къ генералу Вицлебену (*). Онъ сказалъ мнѣ:

— Въ послѣднее время, до короля доходили такія противорѣчивыя извѣстія о Французской арміи, что нѣтъ возможности получить о ней ясное понятіе. Вы видѣли недавно двѣ хорошія арміи, хотя и въ различныхъ фазахъ ихъ дѣятельности (**); вы сами участвовали во многихъ кампаніяхъ, занимались военно-историческими изысканіями; вы имѣете, слѣдовательно, масштабъ для того, чтобы судить о боевыхъ качествахъ войскъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, его величество приказалъ вамъ отправиться во Францію, осмотрѣть тамъ различные лагеря и донести о состояніи собранныхъ въ нихъ войскъ. Съ вами поѣдутъ еще одинъ артилерійскій и одинъ кавалерійскій офицеръ для того, чтобы вы могли собрать спеціальныя свѣдѣнія и о незнакомыхъ вамъ родахъ оружія. Распорядитесь такъ, чтобы вы имѣли возможность отправиться изъ Кобленца во второй половинѣ мѣсяца. Явитесь тамъ къ генералу Борстелю. Я отправлю къ нему нужныя для вашего путешествія бумаги. Въ особенной инструкціи вамъ не предстоитъ надобности; что же касается разнаго рода пособій, то все это вы найдете въ главномъ штабѣ. Не думаю, чтобы вы еще разъ были у меня передъ отъѣздомъ—такъ поѣзжайте съ Богомъ и дайте о себѣ поскорѣ вѣсть.

Едва сдѣлалось извѣстнымъ возложенное на меня порученіе, какъ множество офицеровъ изъявили желаніе сопровождать меня. Къ счастью, выборъ ихъ не былъ мнѣ предоставленъ: генералъ Вицлебенъ хотѣлъ самъ назначить ихъ.

Я распорядился такъ, чтобы прибыть въ Кобленцъ къ определенному времени. Но здѣсь еще не получали никакого извѣщенія; никто ничего не зналъ о моей поѣздкѣ, ни генералъ Борстель, ни другое мѣстное начальство. Командующій генералъ принялъ меня, однако, очень ласково; получивъ затѣмъ дня черезъ четыре или дней черезъ пять увѣдомленіе, онъ тотчасъ же назначилъ, будучи уполномоченъ на то, двухъ офицеровъ, долженствовавшихъ сопровождать меня, и вообще содѣйствовалъ, сколько могъ, нашей отправкѣ. 20-го августа мы уже могли пуститься въ путь. Офицеры, мои спутники,

(*) Генералъ-адъютантъ короля Фридриха-Вильгельма III.

(**) Русскую и австрійскую.

были капитанъ Энке, 7-й артилерійской бригады, и поручикъ 7-го уланскаго полка Гофманъ, оба люди образованные и по своей части опытные. Поручикъ Гофманъ умеръ, если не ошибаюсь, въ чинѣ ротмистра; Энке былъ впоследствии генераль-лейтенантомъ и много содѣйствовалъ введенію въ Пруссіи новой артилерійской системы. Онъ былъ родной братъ знаменитаго астронома Энке, тогдашняго директора берлинской обсерваторіи.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о мѣстахъ, гдѣ были учреждены французскіе лагеря и когда соберутся въ нихъ войска, мы отправились прежде всего въ Мецъ, увѣренные, что тамъ получимъ вѣрныя извѣстія. Мы прибыли въ Мецъ вечеромъ, въ то самое время, когда здѣсь затѣвалось маленькое возмущеніе—une émeute. Меръ поступилъ противъ свободы державнаго народа тѣмъ, что запретилъ представленіе «зажигательной» театральнoй пьесы, какъ безнравственной; вотъ либералы и рѣшили дать ему урокъ и угостить его кошачьею музыкою—donner un chativagi... Подобное проишествіе было для насъ новинкою, и потому намъ хотѣлось посмотреть на скандалъ вблизи; но полиція, жандармы и военное начальство распорядились такъ хорошо, что мы не могли добраться до средоточія фарса—это былъ, дѣйствительно, не болѣе какъ фарсъ—Rue des clercs, гдѣ жилъ меръ.—«On ne passe pas!» кричали часовые всякому, приближавшемуся къ улицѣ, въ которой разыгрывался фарсъ. Мы слышали только шумъ, гамъ, свистъ, колоченье въ костюмы, возгласы: à bas le maire!... Все это продолжалось часа два, причѣмъ жители преспокойно смотрѣли на зрѣлище изъ оконъ, а затѣмъ бушевавшая толпа разошлась какъ ни въ чемъ не бывало. Въ половинѣ двѣнадцатаго, на улицахъ, кромѣ нѣсколькихъ національных гвардейцевъ, уже никого не осталось.

На другой день, утромъ, мы представлялись коменданту. Полковникъ Дюплеси принялъ насъ весьма вѣжливо и мы пріятно проболтали цѣлый часъ. О лагеряхъ онъ не вѣдалъ, однако, ровно ничего; ему было, правда, извѣстно, что войска собираются въ августъ и въ сентябрь, но онъ ничего не читалъ о томъ въ газетахъ и не получалъ никакого офиціального сообщенія о мѣстѣ лагерей. Полковникъ Дюплеси замѣтилъ только, что, по рассказамъ офицеровъ, войска собраны въ Сентъ-Омеръ и что тамъ ожидаютъ герцога Орлеанскаго и генерала Жерара. Онъ предложилъ намъ осмотрѣть всѣ военныя учрежденія, чѣмъ мы, однако, не воспользовались вполнѣ, потому что, находясь въ пограничной крѣпости, должны были вести себя крайне осторожно. Во время этой экскурсіи мы неоднократно встрѣ-

чались съ унтеръ-офицерами и солдатами и вступали съ ними въ разговоръ. Большею частію, это были люди спокойные и разсудительные, безъ всякой экзалтаціи; но они въ высшей степени были озлоблены противъ черни (сапайе), которая ежеминутно возобновляла ужасныя безчинства, вслѣдствіе чего солдаты по нѣскольку часовъ сряду оставались подъ ружьемъ. Убѣдившись, что Мюцъ былъ намъ знакомъ хорошо, мы не хотѣли терять болѣе времени и рѣшились отправиться по назначенію. Но прежде надлежало отвѣчать на вопросъ: куда слѣдовало намъ отправиться? Случайно узнали мы отъ ховинна гостиницы, что у него живетъ купецъ, который имѣетъ сношенія съ военнымъ вѣдомствомъ по поставкамъ и который, быть можетъ, посоветуетъ намъ куда ѣхать. Мы обратились къ этому господину. Онъ оказался голландцемъ, не говорилъ ни по нѣмецки, ни по французски, и объяснялся съ нами на какомъ-то тарабарскомъ языкѣ. Мы поняли однако, что онъ былъ въ лагеряхъ при Ватиньи и Сентъ-Омерѣ, что въ обоихъ войска собраны уже давно, и потому безотлагательно стали готовиться къ отъѣзду въ Сентъ-Омеръ.

Послѣ разныхъ проволочекъ и привлеченій, неразлучныхъ съ путешествіемъ на-авось, мы добрались благополучно до Сентъ-Омера. Я тотчасъ же пошелъ къ коменданту, объяснилъ ему цѣль нашего пріѣзда и просилъ позволенія прожить здѣсь нѣсколько времени; но каково было наше удивленіе, когда вскорѣ потомъ комендантъ далъ мнѣ знать, что о нашемъ прибытіи никто не предувѣдомленъ и что, до полученія объ этомъ извѣстія, «генералъ Себастіани, командующій лагеремъ, не можетъ принять насъ. Я немедленно написалъ въ Берлинъ о скорѣйшей высылкѣ нужныхъ бумагъ, а чтобы не терять времени, мы стали осматривать окрестности, посѣщали лагерь при Гельфо, называемый такъ по деревнѣ, близъ которой расположенъ лагерь сентъ-омерскій, и освѣдомлялись обо всемъ, что относилось къ предмету нашей мисіи. Услужливость французовъ много помогла намъ. Я начертавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, планъ нашихъ занятій и нашихъ донесеній, распредѣливъ работу такъ, чтобы каждый изъ насъ заботился только о своемъ родѣ оружія и собиралъ бы о немъ самыя точныя данныя. Мы собирались по вечерамъ, сообщали другъ другу свои наблюденія, обмѣнивались общими замѣчаніями, и, такимъ образомъ, ежедневно приводили въ порядокъ матеріалъ для нашего донесенія. Чтобы основать все дѣло на рациональной системѣ, я опредѣлялъ имѣть въ виду слѣдующіе пункты:

1) Физическое состояніе людей; 2) одежда, вооруженіе, снаряженіе, дисциплина; 3) одиночное образованіе; ротное, баталіонное,

полковое, бригадное и дивизионное ученья; 4) маневрованіе, полевая служба, стрѣльба въ цѣль; 5) лагерное расположеніе офицеровъ и солдатъ, продовольствіе, кухня въ гарнизонѣ и въ лагерѣ; 6) хозяйство въ казармахъ и въ лагерѣ; офицерскій столъ; 7) жизнь въ лагерѣ и въ гарнизонахъ; 8) лазаретныя учрежденія въ лагерѣ и въ гарнизонахъ, магазины, арсеналы, военныя учрежденія, оружейныя фабрики; мастерскія; боевыя качества армій; духъ офицеровъ и солдатъ; біографическія замѣтки о генералахъ; политическіе очерки.

Къ сожалѣнію, мы должны были оставить нетронутою существенную часть—маршевую дисциплину, потому что маршевыя упражненія не имѣли мѣста въ лагерѣ.

Когда, наконецъ, получено было изъ Парижа разрѣшеніе принять насъ и показать намъ все, что могло послужить къ нашему знакомству съ французскою арміею, генераль Себастиани допустилъ насъ къ себѣ. Онъ былъ очень любезенъ, но чрезвычайно остороженъ въ словахъ. То обстоятельство, что онъ долго жилъ въ Германіи и участвовалъ въ походѣ въ Россію, было причиною, что я могъ говорить съ нимъ о многомъ. Онъ, разумѣется, не зналъ, что вся его политическая и военная жизнь извѣстна была мнѣ коротко. Въ обществѣ же офицеровъ, которые, нисколько не стѣсняясь, высказывали все что знали, мы запаслись большими свѣдѣніями, нежели сколько было нужно, а остальное дополняли намъ бібліотеки и кабинеты для чтенія, обильно снабженные военными сочиненіями.

Что до самыхъ войскъ, то состояніе ихъ можно было назвать вполне удовлетворительнымъ. Люди были здоровые, крѣпкіе, хотя и малорослые, хорошо и цѣлесообразно одѣты и обуты, получали болѣе нежели достаточную пищу, приучены къ перенесенію трудовъ и подготовлены къ малымъ и къ большимъ упражненіямъ. Большіе маневры исполнялись по старому уставу, и, въ этомъ смыслѣ, разнились отъ прусскихъ. Построеніе въ колонны употреблялось рѣдко; за то мы часто видѣли, какъ цѣлая дивизія строилась въ каре и въ этомъ строе училась.

Кавалерія двигалась хорошо, но слишкомъ медленно, и, казалось, заботилась больше о сомкнутости, нежели о быстротѣ движеній. Артиллерія была запряжена хотя и малорослыми, однако крѣпкими лошадьми, двигалась скоро и при маневрахъ, нами видѣнныхъ, употреблялась цѣлесообразно.

Чисто-тактическія движенія армій на учебныхъ плацахъ почти всегда одинаковы; тѣмъ не менѣе, одно изъ нихъ обратило на себя особенное наше вниманіе. Вся дивизія построилась въ большое пус-

тою каре, пѣхота en ligne, конница въ центрѣ, артилерія на углахъ. Послѣ того какъ отдѣльные фасы каре выстрѣлили, нѣкоторые взводы вдвонились и кавалерія выскакала преслѣдовать предполагаемаго противника. Артилерія, на фронтахъ атаки, усердно палила по тому направленію. Затѣмъ масса развернулась и построилась въ двѣ линіи; половина артилеріи предъ интервалами центра, кавалерія побригадно на флангахъ; два баталіона, съ одною батареею, образовывали резервъ.

Если принять въ соображеніе, что движенія для построенія каре продолжались больше получаса, то можно сказать утвердительно, что хорошая кавалерія противопоставила бы такому построенію много препятствій. Впрочемъ, войска были обучены на столько, чтобы отвѣчать въ боевой линіи всѣмъ тактическимъ требованіямъ.

Генераль виконтъ Себастіани, начальникъ первой дивизіи сѣверной арміи и сентъ-омерскаго лагеря, былъ въ 1812—1813 годахъ эскадроннымъ командиромъ, а въ періодъ возстановленія Бурбоновъ получилъ начальство надъ корсицанскими егерями, вслѣдствіе чего перешелъ въ пѣхоту. Въ морейскую экспедицію онъ командовалъ уже полкомъ, и родству своему съ министромъ Себастіани былъ обязанъ скорымъ производствомъ въ генералы. Впослѣдствіи онъ находился въ числѣ генераль-инспекторовъ пѣхоты. Его наружность, которою онъ много занимался, многочисленная свита офицеровъ его окружавшихъ, желаніе играть роль въ обществѣ, все это вмѣстѣ было причиною, что подчиненные дали своему генералу прозваніе «dameoiseau» (щеголь, фатъ).

О прусскихъ военныхъ дѣлахъ Себастіани не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Фельдмаршала Гнейзенау онъ считалъ русскимъ фельдмаршаломъ. О русскихъ войскахъ отзывался неблагоприятно и приписывалъ ихъ побѣды надъ турками лишь малой военной годности послѣднихъ; на замѣчаніе же мое, что русскіе на полѣ битвы не имѣютъ себѣ подобныхъ въ стойкости и непоколебимости—*persévérance et ténacité*—не отвѣчалъ, притворившись, будто не дослушалъ моихъ словъ; но когда на маневры пріѣхалъ русскій генераль, князь Голицынъ, Себастіани сталъ разсыпаться передъ нимъ въ любезностяхъ, и довелъ свою угодливость до того, что прикомандировалъ къ впагянѣ Голицыной, рожденной, если не ошибаюсь, графинѣ Потоцкой, своего адъютанта, приказавъ ему сопровождать ея сіятельство на маневрахъ.

Себастіани охотно говорилъ о тактическихъ предметахъ, причемъ не оставилъ замѣтить, что онъ предсѣдатель комисіи, на которую

возложено начертать правила для маневровъ пѣхоты; но объ уставахъ другихъ армій генералъ не имѣлъ понятія. Намъ сказывали, что главное участіе въ этой работѣ принималъ одинъ изъ бывшихъ адъютантовъ маршала Сульта, генералъ Рошре, командовавшій въ лагерѣ бригадою, которому военное министерство неоднократно поручало подобныя работы.

Офицеры выражали мнѣніе, что генералъ Себастиани слишкомъ скоро сдѣлалъ свою карьеру и не имѣлъ времени основательно изучить службу во всѣхъ подробностяхъ.

Въ политическомъ отношеніи его считали весьма преданнымъ новой династіи. Впрочемъ, въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ онъ былъ близорукъ, нескромно оспивался объ образѣ мыслей жителей рейнской провинціи и говорилъ о симпатіяхъ къ Франціи, существующихъ въ Рейнской-Баваріи. Точно также думали и многіе другіе французы. По всей вѣроятности, Себастиани имѣлъ подобное мнѣніе и о прорейнской Пруссіи, но остерегался высказаться. Отношенія его къ намъ были неровны: постоянно твердилъ онъ о своемъ благорасположеніи, обѣщавъ дать лошадей на маневры, но не думалъ объ исполненіи своего слова. За то онъ доставлялъ намъ всевозможныя орудія видѣть всякаго рода военныя учрежденія.

Командиромъ первой пѣхотной бригады былъ генералъ Гарле (Harlet), человекъ исполинскаго роста. Его огненные, прекрасные глаза представляли разительный контрастъ съ блестящими волосами. Генералъ съ 1813 года, онъ находился теперь подъ командою Себастиани, который въ то время былъ подполковникомъ. Весьма любезный въ обращеніи, надѣленный тонкимъ чувствомъ, Гарле сблизился съ нами до товарищеской откровенности и, по вѣдому, хорошо былъ знакомъ съ нашею организаціей. — «Вы видите здѣсь въ миниатюрѣ то, что имѣете у себя въ большихъ раздѣлахъ: наши сборы не важны; это только учебныя лагеря (*campes d'instruction*), тогда какъ у васъ маневренныя лагеря (*campes de manoeuvre*). Мы хотимъ, чтобы наши войска и молодые офицеры умѣли только маневрировать». Тактическія дарованія генерала были не особенно блестятельны, судя по крайней мѣрѣ по его разговорамъ; о подробностяхъ же вооруженія, снаряженія и т. д. онъ почти не зналъ. По своимъ воспоминаніямъ, чувствамъ и убѣжденіямъ, онъ весь принадлежалъ еще ко временамъ имперіи; слытъ, впрочемъ, хорошимъ солдатомъ и пріятнымъ начальникомъ. О состояніи Франціи отзывался съ негодованіемъ. «Наши полоумные французы», говорилъ онъ, «таскаютъ насъ отъ событія къ событію. Богу извѣстно что изъ этого выйдетъ».

Въ прочность установившагося порядка, по видимому, не вѣрять... Былъ-ли этотъ генералъ способенъ къ командованію большими частями, позволяю себѣ усомниться; но въ такъ называемомъ французами «combat rangé» онъ водилъ свои войска хорошо и энергично.

Генералъ Рошре, о которомъ я уже упоминалъ, былъ особенно извѣстенъ по своей годности, по своимъ способностямъ, и во многихъ тактическихъ вопросахъ служилъ оракуломъ для министерства. Своею бригадою—второю—начальствовалъ весьма хорошо и отличался бравую, воинственною осанкою. Въ июльскую революцію онъ командовалъ пѣхотнымъ полкомъ и, говорятъ, не исполнилъ своего долга: намъ рассказывали, что герцоги Ангулемскій и Орлеанскій были его крестными отцами, что Карлъ X особенно благоволилъ ему, и, однакожь, онъ былъ изъ первыхъ отложившихся отъ короля. По этой причинѣ, легитимисты называли Рошре «un perfide» (вѣроломнымъ), «un traître» (измѣнникомъ), и многіе офицеры, стоявшіе на сторонѣ новаго порядка вещей, выражались на его счетъ не мягче. Тѣмъ не менѣе, при своихъ военныхъ знаніяхъ, молодости и здоровьѣ, онъ игралъ бы роль въ будущей войнѣ.

Дежанъ, сынъ извѣстнаго при Наполеонѣ I министра-директора (ministre-directeur), уже пожилой господинъ, тяжело раненый еще при Эйлау, гдѣ онъ командовалъ кавалерійскимъ полкомъ, и заслужившій всѣ свои чины на боевомъ полѣ, отличался хорошимъ воспитаніемъ и утонченностію формъ. Онъ долго жилъ въ Германіи, говорилъ съ любовью объ этой странѣ, о спокойствіи и о мирѣ въ ней господствовавшихъ, о привѣтливости жителей; но всѣ его воспоминанія предшествовали временамъ 1807 года. Прусскія военныя учрежденія были ему извѣстны довольно хорошо; прусскіе военныя уставы, ихъ логическое и систематическое развитіе ему очень нравились; о прусской кавалеріи говорилъ съ большимъ уваженіемъ, хвалилъ прусаковъ, какъ отличныхъ наѣзтниковъ, равно и за любовь къ лошадамъ, за уходъ за ними, и отдавалъ преимущество прусскимъ конямъ передъ французскими, несмотря на то, что послѣдніе стоили весьма дорого. Полагаю, что генералъ Дежанъ едва-ли могъ бы быть употребленъ для командованія въ военное время; въ новыхъ же политическихъ смутахъ, послѣ столь многихъ пережитыхъ опытовъ, онъ, вѣроятно, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые придерживались системы выжиданія.

Генералъ Риньи, лѣтъ сорока пяти (*), командовалъ первую ка-

(*) Былъ живъ еще въ 1869 году и состоялъ, тѣмъ же бригаднымъ генераломъ, въ резервномъ кадрѣ. Слѣдовательно, въ 1869 году ему былъ 81 годъ.

валерійскою бригадою. Братъ адмирала Риньи, онъ, конечно, этому обстоятельству былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Въ молодости Риньи состоялъ адъютантомъ при маршалѣ Сюше, и въ этомъ званіи я зналъ его, даже сражался рядомъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ (въ Испаніи), напримѣръ при дель-Аквиларѣ, гдѣ онъ велъ колону. Тогда онъ былъ извѣстенъ какъ наименѣе способный въ свитѣ маршала, а теперь намъ сказывали, что генералъ Риньи былъ болѣе дипломатомъ, чѣмъ боевымъ офицеромъ. Мы не видали какъ онъ командовалъ своею бригадою, потому что, вслѣдствіе внезапнаго другаго назначенія, онъ долженъ былъ уѣхать изъ лагеря. Новому порядку дѣлъ онъ былъ преданъ; но явить-ли онъ себя человѣкомъ мужественнымъ и рѣшительнымъ при новыхъ смутахъ и потрясеніяхъ престола—объ этомъ мнѣнія его сослуживцевъ расходились. Во всякомъ случаѣ, полагали, что генералъ Риньи приметъ ту сторону, къ которой присоединится его братъ адмиралъ.

Второю кавалерійскою бригадою дивизіи генерала Дежана начальствовалъ виконтъ Латуръ-Мобуръ, наследникъ славнаго имени своего отца, человѣкъ лѣтъ сорока. Такъ какъ онъ чуждался общества, то я не могъ узнать его коротко. Судя по его желтому лицу, онъ былъ сильнымъ ипохондрикомъ, а его длинная, худощавая фигура, да и вся осанка, напоминали Донъ-Вихота Ламанчскаго. Какъ начальникъ части, онъ ничѣмъ особеннымъ не отличался; но офицеры его бригады, кажется, не питали къ нему антипатіи. Стоя со своею бригадою въ Арасѣ, генералъ поссорился съ редакторомъ газеты «Propagateur» изъ-за статьи, въ которой былъ затронутъ, и угрозился отколотить его, при первой встрѣчѣ, бичемъ. Офицеры приняли сторону своего генерала. Это событіе взбудоражило весь городъ, и правительство, вѣроятно, найдетъся вынужденнымъ вывести отсюда свои войска въ другое мѣсто.... Въ глазахъ приверженцевъ іюльскаго монархіи, Латуръ-Мобуръ казался подозрительнымъ: его считали карлистомъ.

О подробностяхъ маневровъ въ сентъ-омерскомъ лагерѣ, равно и обо всѣхъ предметахъ, касавшихся начертанной мною программы, я представилъ въ военное министерство обстоятельныя донесенія.

Сентъ-Омеръ издавна служилъ центральнымъ пунктомъ для сбора войскъ. Уже въ 1754 году здѣсь командовалъ генералъ Кремелисъ (Cremelies) лагеремъ изъ 8,000 человѣкъ. Въ 1788 году здѣсь же собраны были, подъ начальствомъ принца Конде, двадцать восемь пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ, при которыхъ шестнадцатилѣтній герцогъ Ангенскій, впоследствии прославившійся своею тра-

гическою смертію, командовалъ бригадою. Въ 1804 году, Наполеонъ, имѣвшій главную квартиру по близости, въ Сальпервикѣ, дѣлалъ на равнинахъ Сентъ-Омера смотръ части арміи, собранной въ булонь-свомъ лагерѣ. Его сопровождали тогда многія военныя знаменитости имперіи: Сультъ, Ней, Мармонъ, Удино, д'Опю, Жюно, Сентъ-Илеръ, Логранъ, Блозель, изъ которыхъ въ 1833 году были живы только Сультъ и Мармонъ. Въ 1816 и 1818 годахъ расположился лагеремъ въ Гельфо англійскій генералъ Томасъ Братфордъ съ дивизіей, которую смотрѣлъ, у Сентъ-Омера, фельдмаршалъ Велингтонъ. Въ 1825 году французское правительство рѣшило учредить здѣсь постоянный лагерь, и уже въ слѣдующемъ году стояли въ палаткахъ десять подковъ. Съ тѣхъ поръ войска собирались сюда постоянно, за исключеніемъ 1831 и 1832 годовъ. Мы видѣли въ сентъ-омерскомъ лагерѣ 8-й, 22-й, 25-й и 39-й линейные полки, 1-й конно-егерскій, 2-й гусарскій, 5-й и 10-й драгунскіе. Въ 1826, 1827 и 1828 годахъ командовалъ сосредоточенными здѣсь войсками генералъ Кюриаль, въ 1829 году генералъ Вассеро, въ 1830 году генералъ Дальтонъ и въ 1833 году генералъ Тибюрсъ Себастиани.

II.

Отъѣздъ въ лагерь при Ватиньи.—Историческія замѣтки о немъ.—Характеристика нѣкоторыхъ генераловъ.—Лагерь при Рокруа.—Историческія извѣстія о немъ.—Краткое описаніе лагеря.—Карнистскій духъ.

Откланявшись генералу Себастиани, отправились мы въ Ватиньи, близъ Мобежа, гдѣ была собрана 2-я дивизія сѣверной арміи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ашара.

Учебный лагерь при Ватиньи, называемый также мобежскимъ лагеремъ и лагеремъ Димшо (Dimschaux), лежитъ на той части поля сраженія при Ватиньи, гдѣ была произведена главная атака, подъ предводительствомъ генерала Дюкенэ. Извѣстно, что атака послѣдовала тогда, когда принцъ Кобургскій уже приказалъ отступать, что, однако, не привело къ лучшимъ результатамъ, какъ и атаки генераловъ Формантена, Корделье и Баллана на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ (*). Русскій окупационный корпусъ (графа Воронцова) два года

(*). Въ послѣднихъ числахъ сентября 1793 года, принцъ Кобургскій, имѣя подъ своимъ начальствомъ орокоатысячную союзную армію, осадилъ Мобежь и учрежденный при этомъ городѣ укрѣпленный лагерь, защищаемый генераломъ Фераномъ съ 30,000 войска. Осаду прикрывалъ, съ особымъ наблюдательнымъ корпусомъ, австрійскій генералъ Клерфетъ. Узнавъ объ опасномъ положеніи Мобежа, французская директорія предписала генералу Журдаву, главнокомандовав-

сряду производилъ здѣсь свои ученья, и съ этою цѣлю были набросаны редуты, и понынѣ называемые народомъ «русскими редутами» (redoutes russes). Въ 1832 году, во время бельгійскихъ смуть, здѣсь былъ учрежденъ лагерь на одну резервную дивизію въ двѣнадцать баталіоновъ. Рабочіе мобежскаго гарнизона, подъ руко водствомъ инженернаго офицера, кончили всю постройку въ три недѣли. Условія мѣстности воспрепятствовали дать лагерю правильную форму и расположить его по уставу. Онъ имѣлъ въ длину 1,150 шаговъ и 1,630 шаговъ въ глубину. Бараки были выстроены изъ древесныхъ прутьевъ, обмазанныхъ глиною, и, выбѣленные известью, имѣли веселый видъ. Въ нихъ стояли 8-й легкій, 65-й линейный, 7-й и 61-й линейные полки, заключавшіе въ себѣ, однако, не болѣе восьми баталіоновъ.

О мобежскомъ лагерѣ можно сказать то же, что и о сенть-омерскомъ. Повсюду господствовали порядокъ и дисциплина. Офицеры отзывались одобрительно о поведеніи солдатъ, и если бывали незначительные беспорядки, то они производились лишь пьяными людьми. При началѣ лагеря, солдаты добывали себѣ жизненные припасы тайкомъ съ бельгійской территоріи; впоследствии они стали доставать оттуда табакъ и сукно, для чего часто соединялись артелями. Получивъ жалобу мѣстнаго начальства, генералъ Ашаръ арестовалъ на нѣкоторое время весь лагерь, и тѣмъ прекратилъ тайныя прогулки въ Бельгію. Въ кабакахъ (cantines), этихъ барометрахъ нравственности людей, было чрезвычайно тихо. По сообщеніямъ жандармскаго офицера, семь тысячъ человекъ, расположенныхъ въ лагерѣ, выпили съ 1-го іюля по 1-е сентября 15,000 литровъ водки, что составляетъ около двухъ литровъ на человека (*).

Генералъ-лейтенантъ Ашаръ принадлежалъ къ лучшимъ офицерамъ старой императорской арміи. Въ 1812 году, командуя пѣхот-

шему сѣверною арміею, непремѣнно освободить осажденный городъ и отпривла къ нему своего военнаго министра Карно. 14-го октября, Журданъ, съ 50,000 человекъ, рѣшился атаковать observationalный корпусъ и прорваться къ Мобежу. На другой день, генералы Формантешъ и Корделье, направленные противъ Кларфета, успѣли овладѣть селеніемъ Сень-Вастомъ; но, выйдя на равнину, позади этого селенія, были атакованы превосходною австрійскою конницею, потеряли всю артилерію и отброшены за ручей. Такъ же неудачно было нападеніе генерала Баллана, который имѣлъ задачею развлекать вниманіе австрійцевъ, развертываясь противъ ихъ центра. 16-го октября, Журданъ атаковалъ селеніе Ватиньи, составлявшее ключъ австрійской позиціи, и взялъ его. Тогда принцъ Кобургскій, несмотря на успѣхи кавалеріи лѣваго австрійскаго крыла, видя линію своего observationalнаго корпуса прорванною, посѣдшилъ снять осаду Мобежа ночью на 17-е число, и переправился за Самбру.

Т.

(*) Литръ около $\frac{1}{12}$ нашего ведра.

нымъ полкомъ, онъ особенно отличался въ упорномъ бою князя Багратиона съ маршаломъ Даву подъ Сагановкою, недалеко отъ Могилева. Раненъ онъ былъ безчисленное множество разъ. Въ 1815 году Наполеонъ произвелъ его въ генералы; но когда возвратились Бурбоны, это производство не было признано и Ашаръ нѣшелся вынужденнымъ снять съ себя генеральскіе эполеты. Онъ заслужилъ ихъ опять уже въ испанскую кампанію 1823 года, когда получилъ чинъ бригаднаго генерала (*maréchal de camp*). Позже, служба въ Алжирѣ, онъ былъ произведенъ въ дивизионные генералы. Солдатъ съ ранней молодости, коротко знакомый со всѣми подробностями службы и не незнакомый съ высшею частію военнаго дѣла вообще, Ашаръ пріобрѣлъ почетную извѣстность и на него указывали какъ на отличнаго пѣхотнаго генерала. Въ 1833 году ему было пятьдесятъ восемь лѣтъ, и, несмотря на свои многочисленныя раны, онъ являлъ себя чрезвычайно дѣятельнымъ, бодрымъ, вѣчно на своемъ посту. Большой почитатель Наполеона, онъ мѣрилъ его, однако, тою самою мѣрою, какою эсъ-императоръ мѣрилъ себя въ своихъ запискахъ. Въ глазахъ Ашара, Наполеонъ былъ миролюбивѣйшимъ монархомъ, когда-либо возсѣдавшимъ на престолѣ, но коварство (*perfidie*) Англій, враждебная политика Австріи (*la haineuse politique de l'Autriche*) и злоба Россіи (*la perversité de la Russie*) безпрестанно призывали его къ оружію.... Отъ нынѣшняго состоянія Франціи Ашаръ не ожидалъ, повидимому, ничего путнаго; онъ полагая, что все стремится къ республикѣ, и однажды, во время объѣда, сказалъ, что лѣтъ чрезъ тридцать или сорокъ въ Европѣ будутъ однѣ республики.... На возраженіе капитана Энке, что относительно государствъ германской расы это едва-ли вѣроятно, генераль отвѣчалъ:

— Я, конечно, не доживу до этого, хотя и многое уже пережилъ на своемъ вѣку; но вы еще молоды и будете вовлечены въ водоворотъ событій, которыя будутъ слѣдствіемъ предсказываемой мною борьбы.

Генераль Ашаръ напророчилъ довольно вѣрно: событія, совершившіяся въ послѣднія два десятилѣтія, едва не подтвердили его мысль.

— «Періодическая печать», сказалъ онъ въ другой разъ, «растлѣваетъ нынѣ все. Газетнымъ писакамъ нѣтъ ничего святаго: этому племени свято только то, что увеличиваетъ число подписчиковъ на газету».

Установившемуся во Франціи порядку дѣлъ Ашаръ не сулилъ долговѣчности, не признавалъ за новою династіей достаточно силы

утвердиться, если бы событія поставили ее въ критическое положеніе, и самаго опаснаго удара ожидать съ республиканской стороны.

При всемъ своемъ наружномъ добродушіи и оказываемой намъ любезности, генераль не прочь былъ вернуть, при случаѣ, какое-нибудь тонко-колкое замѣчаніе. Однажды, когда мы у него обѣдали, онъ заговорилъ о маневрѣ, который намѣревался вскорѣ исполнить.

— «Я прикажу», сказалъ онъ, «атаковать тотъ русскій редутъ, который вы видѣли на маневрномъ полѣ. Я возьму его, но, спустя короткое время, непріятель возобновитъ атаку. Тогда я начну отступательное движеніе, бой нѣсколько моментовъ будетъ оставаться нерѣшительнымъ.... вдругъ генераль Лавустинъ перейдетъ къ непріятелю, дѣло будетъ проиграно и кончатся нашимъ пораженіемъ....»

Замѣтивъ съ самаго начала куда цѣлилъ генераль (*), я живо продолжалъ разговоръ съ генеральшею, возлѣ которой сидѣлъ: она рассказывала мнѣ въ эту минуту, что мадамозель Зонтагъ упала съ лѣстницы и что весь Парижъ былъ занятъ этимъ событіемъ. О бракѣ славной пѣвицы съ графомъ Росси тогда еще не знали. Генераль неоднократно обращался ко мнѣ съ замѣчаніемъ, что я его не слушаю, и потому я поневолѣ долженъ былъ оказать побольше вниманія его словамъ. Не имѣя, однако, подъ рукою приличнаго отвѣта, я сказалъ только, что его маневры навѣрное будутъ весьма интересны, и продолжалъ бесѣду съ его супругой. Впрочемъ, намекъ генерала, вдохновеннаго шампанскимъ, остался, кажется, незамѣченнымъ другими гостями.

О политическомъ образѣ мыслей генерала Ашара мнѣнія были различны. Карлисты говорили, что онъ не прикнѣтитъ ни къ какой партіи, потому что разстройство финансовъ дѣлъ бросаетъ его изъ одной крайности въ другую; иные же думали, что жена его, дочь извѣстнаго генерала Дагобера, командовавшаго въ Пиренеяхъ и тамъ убитаго, отъявленная карлистка, имѣетъ на мужа рѣшительное вліяніе. Не вдаваясь въ рѣшеніе этого вопроса, замѣчу только, что генеральша съ восторгомъ отзывалась о дворѣ, не могла довольно хвалиться любезностію короля Карла X и принцевъ и приходила въ экстазъ при воспоминаніи о прежнихъ придворныхъ праздникахъ... За то уравненіе сословій приводило ее въ ужасъ (*en horreur*), и она была внѣ себя отъ газетчиковъ (*gazetiers*) и отъ ихъ мерзкихъ листковъ (*feuilles abominables*).... Что генеральша имѣла незначительное вліяніе на генерала, это явствовало изъ всего разговора.

(*) Намекъ касался, вѣроятно, перехода саксонскихъ войскъ къ союзникамъ во время лейпцигскаго боя. Французы были увѣрены, что, не случись этого, они остались бы побѣдителями.

Первою пѣхотною бригадою (8-мъ легкимъ и 65-мъ линейнымъ полками) командовалъ генералъ Рюльеръ. Въ этой бригадѣ преимущественно господствовалъ порядокъ, и здѣсь употреблены были всѣ средства усилить въ войскахъ преданность королю, о чемъ старался въ особенности командиръ 8-го легкаго полка, Флери де Бургольцъ, находившійся въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ принцемъ Орлеанскимъ. Многія изъ тѣхъ называемыхъ «украшеній лагеря» (*décorations et embellissements du camp*) граничили съ непрекраснымъ и оскорбляли посторонняго наблюдателя чрезмѣрностію грубой лести.... Генералъ Рюльеръ былъ отличный офицеръ. Онъ три года служилъ рядовымъ въ императорской гвардіи, получивъ, въ короткій промежутокъ времени, чины поручика и капитана, былъ тяжело раненъ въ Россіи и, при возстановленіи Бурбоновъ въ 1814 году, служилъ штабъ-офицеромъ въ 35-мъ пѣхотномъ полку. Командуя этимъ полкомъ, онъ участвовалъ въ походѣ въ Испанію, пять лѣтъ прожилъ въ Кадисѣ, былъ переведенъ въ отрядъ, занимавшій Морю, гдѣ оставался цѣлый годъ, и, наконецъ, посланъ въ Алжиръ. За блистательное дѣло при Мамдѣ, которымъ руководилъ Рюльеръ, ему дали генеральскій чинъ. Человѣкъ образованный и бывалый, онъ, въ дружескомъ кружкѣ, рассказывалъ много любопытнаго изъ своей жизни.—«Когда генералъ Мезонтъ», говорилъ онъ, «представлялъ меня Ибрагиму-пашѣ и прибавлялъ, что я пріѣхалъ изъ Кадиса, Ибрагимъ, посмотрѣвъ на меня во всѣ глаза, сказалъ:—«Странные люди вы, французы! Въ Испаніи возстановляете абсолютное королевство, а сюда приходите основывать республику.... По истинѣ, васъ никто не пойметъ!»—Въ другой разъ Ибрагимъ находился въ обществѣ, въ которомъ много было оказываемо чести шампанскому. Адмиралъ Гейденъ, обратясь къ Ибрагиму, спросилъ его, какимъ образомъ онъ, будучи добрымъ мусульманиномъ, можетъ любить вино?—«Я нахожусь въ такомъ любезномъ обществѣ, что пророкъ и не узнаетъ о томъ», отвѣчалъ сынъ Мехмета-Али.

Генералъ Рюльеръ былъ рѣшительнымъ противникомъ политическихъ писателей и приписывалъ имъ все зло, тяготѣвшее надъ Франціей. Послѣ смуты въ Греноблѣ, гдѣ стоялъ его полкъ, онъ возненавидѣлъ публицистовъ. — «Къ счастью», сказалъ онъ, «мы нашли теперь, хотя и поздно, средство предотвратить бѣду, которую могли бы причинить эти каналы. Мы всегда найдемъ нѣсколько національныхъ гвардейцевъ *de bonne volonté*, которые стануть стрѣлять въ нихъ, а остальное покончимъ сами (*et c'est alors à nous achever*)». Генералъ много занимался нѣмецкою литературою, довольно хорошо

зналъ нѣкоторыхъ нашихъ класиковъ и вообще любилъ нѣмцевъ. Наши военныя учрежденія были ему коротко знакомы и онъ съ уваженіемъ отзывался о нашихъ большихъ ученяхъ.

Въ лагерѣ при Рокруа генералъ Жамень сказалъ мнѣ, что Рюльеръ пойдетъ далеко (*igait loin*), если обстоятельства поблагоприятствуютъ ему. Онъ имѣлъ тогда сорокъ семь лѣтъ отъ роду. Карлисты же въ названномъ лагерѣ говорили, что Рюльеръ тайный приверженецъ павшей династіи. Правда, эмблемы въ чертѣ расположенія его бригады противорѣчили, повидимому, такому мнѣнію, и манифестаціи въ пользу «вѣрности королю» слѣдовали одна за другою, но «генералъ», утверждали его противники, «вѣдь не предписываетъ эти манифестаціи, а только дозволяетъ ихъ, и не можетъ, не выказавъ себя, запретить ихъ полковымъ командирамъ, отъявленнымъ орлеанистамъ».

Генералъ д'Энкуръ (*d'Hincourt*), командиръ второй бригады (7-го и 61-го линейныхъ полковъ), бывший нѣкогда съ генераломъ Бараномъ въ Берлинѣ и довольно хорошо знавшій тамошнія дѣла, находился, кажется, въ стѣсненномъ положеніи и сильно хандрилъ. Пренебрегаемый своимъ дивизионнымъ начальникомъ, онъ исталъ ему тѣмъ, что не обращалъ вниманія на нѣкоторыя его распоряженія, недобрительно отзывался о маневрахъ, за то хвалилъ все видѣнное въ Пруссіи. Однажды, видя какъ строился небольшой отрядъ для прикрытія артилеріи, онъ сказалъ мнѣ: «*Nous vous singeons, mais vous avouerez, que nous le faisons bien mal*». («Мы подражаемъ, но сознайтесь, что и въ этомъ мы крайне плохи»).

Въ другой разъ, при стрѣльбѣ въ цѣль, генералъ д'Энкуръ замѣтилъ, что этого рода стрѣльбою только въ Пруссіи занимаются съ истиннымъ усердіемъ и съ знаніемъ дѣла. Такъ какъ подобныя мнѣнія онъ высказывалъ часто и открыто, то его обвиняли въ бурсоманіи.

Хотя своихъ политическихъ убѣжденій генералъ д'Энкуръ и не выражалъ, однако въ преданности его іюльской династіи крѣпко сомнѣвались. Это предположеніе какъ будто подтверждалось наружнымъ видомъ лагеря его бригады. Напримѣръ, въ лагерѣ бригады Рюльера встрѣчались многочисленныя эмблемы въ честь династій, а здѣсь онъ попадались рѣдко, и обелискъ передъ фронтомъ лагеря, построенный въ прошломъ году войсками, порядочно пообвалялся. Впрочемъ, вина могла быть и со стороны полковыхъ командировъ—неорлеанистовъ.

Политическіе перевороты во Франціи генералъ д'Энкуръ признавалъ

крайне вредными для духа и дисципліны арміи. — «Ничто не требуетъ большаго терпѣнія и большаго настойчивости, какъ совершенствованіе войска, а можно-ли достигнуть этой цѣли, когда сегодня повелѣваетъ одинъ, а завтра другой?» сказалъ онъ. Прусскія военныя учрежденія были ему извѣстны.

Въ то время д'Энкуръ казался лѣтъ сорока восьми. Наружность его имѣла въ себѣ много воинственнаго; его можно было принять скорѣе за ученаго или за человѣка граждаискаго званія, непривыкшаго къ форменной одеждѣ, нежели за военнаго. Своею бригадою онъ командовалъ не всегда къ удовольствію генерала Ашара, да и вообще не вынесъ особенной извѣстности изъ только-что оконченной кампаніи (*). Злые языки въ лагерьъ говорили, будто д'Энкуръ обладалъ только «положенною по штату хребростію», и что его никогда не видали въ траншеѣ, если служба не требовала быть тамъ.

Кавалеріей лагеря, 7-мъ и 8-мъ кирасирскими полками, командовалъ генералъ Лавустинъ, красивый, видный и здоровый мужчина, сорока трехъ лѣтъ, сынъ бывшаго губернатора бельгійскихъ провинцій и близкій родственникъ извѣстнаго австрійскаго министра Кобенца. Онъ предназначался въ австрійскую службу, но слава Наполеона ослабила его до того, что, вопреки волѣ родныхъ, онъ вступилъ во французскую армію, чего императоръ не забылъ и быстро возвысилъ молодаго человѣка. Въ 1814 году, имѣя двадцать шесть лѣтъ отъ роду, Лавустинъ былъ уже полковникомъ и первымъ адъютантомъ Себастьяни, что, впрочемъ, оспаривается въ небольшомъ сочиненіи «L'armée française 1833». Когда луарская армія была расформирована, онъ отправился въ Брюссель и, живя здѣсь, находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ принцемъ Оранскимъ; но въ іюльскую революцію явилъ себя однимъ изъ первыхъ сторонниковъ новой династіи. Внучъ извѣстной писательницы Жанисъ, близкій родственникъ маршала Жерара, нѣкогда адъютантъ Себастьяни, притомъ «très bien avec la famille royale et intimement lié avec mademoiselle Adelaide» — употребляя его собственное выраженіе — Лавустинъ радостно привѣтствовалъ перемѣну династіи и, разумѣется, не былъ оставленъ безъ вниманія. Сначала его употребили только, при предстоящемъ выборѣ короля въ Брюссель, какъ дипломата, съ цѣлію направить выборъ на желаемаго министерствомъ кандидата, но онъ уѣхалъ тотчасъ же, когда выборъ былъ рѣшенъ въ пользу короля Леопольда. Французское министерство не хо-

(*) Авторъ разумѣетъ, вѣроятно, кампанію, имѣвшую послѣдствіемъ основаніе Бельгійскаго Королевства.

тѣло ни герцога Немурскаго, ни герцога Лейхтенбергскаго, а всего менѣе принца Леопольда Кобургскаго.

16-го и 19-го сентября, въ дни большихъ маневровъ, генераль Лавустинъ не имѣлъ случая показать себя. Самъ онъ ѣздилъ на конѣ смѣло и рѣшительно; но при атакѣ, произведенной однимъ изъ его полковъ, человекъ тридцать солдатъ попадали съ лошадей, верепрыгивая черезъ небольшой моврый ровъ. Во время краткаго отдыха, кавалерію спѣшили, и люди воспользовались этимъ моментомъ, чтобы позавтракать, причемъ они бросили своихъ лошадей; когда же раздался сигнальный выстрѣлъ для продолженія маневра, болѣе полусотни лошадей разбѣжались и большинство ихъ было поймано уже педъ коонецъ маневра.

Продовольствіе въ лагерѣ было хорошо; поведеніе и дисциплина солдатъ заслуживали похвалу; больныхъ состояло не болѣе четырехъ процентовъ. Довольные вообще всѣмъ нами видѣннымъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь.

Учебный лагерь при Рокруа, въ которомъ была расположена третья дивизія, примыкалъ одною частію къ циркувалационной линіи, набросанной въ 1643 году, при осадѣ Рокруа, испанскимъ инженеромъ Францискомъ де-Мелосъ-и-Фуэнтесъ. 19-го мая произошло здѣсь сраженіе, въ которомъ юный Конде сломилъ гордыню испанцевъ, считавшихся дотолѣ непобѣдимыми. Еще и теперь выкапываютъ мечи и панцири на поляхъ, гдѣ знаменитый четырехугольникъ, образуемый отборными дружинами испанскаго войска, былъ разгромленъ мечомъ героя-юноши.

Генераль-лейтенантъ Жамень, командовавшій лагеремъ, приказалъ собрать всѣ историческіе матеріялы, самъ прилежно изучалъ это сраженіе и намѣревался воспроизвести его со своими войсками, для чего пригласилъ герцога Орлеанскаго. Планъ не былъ, однако, исполненъ, потому что герцогъ отозвался неизмѣнимъ времени.

Лагерь третьей дивизіи находился въ такомъ близкомъ разстояніи отъ бельгійской границы, что фланкированныя углы нѣкоторыхъ земляныхъ верховъ, построенныхъ впереди его, лежали на бельгійской территоріи. Лагерныя палатки прибыли предъ самымъ вступленіемъ войскъ и раскинуты ими подъ руководствомъ инженернаго офицера и нѣсколькихъ инженерныхъ солдатъ. Онѣ были трехъ родовъ: 1) стараго образца, такъ называемыя «сапопниѣгесъ», на восемь человекъ пѣхоты; 2) новаго образца на пятнадцать пѣхотинцевъ или на восемь кавалеристовъ, и 3) такъ называемыя «маркизы», предназначавшіяся для генераловъ и для канцелярій. Рисунки, описаніе,

показаніе пространства и мѣръ, словомъ всѣ имѣющія для солдата интересъ подробности, были приложены мною къ донесенію королю; кромѣ того, я представилъ расчетъ необходимаго матеріала и издержекъ, и объяснилъ приемы при раскидѣхъ каждаго рода палатокъ (*). Узкій ровъ обозначалъ границу обѣихъ государствъ; но онъ не мѣшалъ сношеніямъ ни съ той, ни съ другой стороны: солдаты запасались многими потребностями изъ Бельгіи, и таможенные стражники нисколько не препятствовали имъ въ томъ; они только стояли по близости шанцевъ, надъ которыми войска все еще продолжали работами, и смотрѣли спокойно на суматоху. Братаніе обѣихъ народовъ доходило до того, что французы производили иногда свои ученья на бельгійской территоріи.

Лагерь представлялъ истинно-военную картину. Онъ былъ окруженъ укрѣпленіями, проектированными главнымъ штабомъ и построенными солдатами; всѣ шанцы имѣли сильные профили и были набросаны неурно; сообщенія въ лагерь содержались хорошо; дорога въ городъ была уравнена; стрѣльбища отличались исправностью; цистерны—если можно назвать такъ ямы, вырытыя солдатами и снабженныя водочерпальными—были опрятны. Мнѣ сказывали, что надъ ними работали 1,800 человекъ въ продолженіе шестидесяти дней, что составляетъ, въ сложности, 120,600 рабочихъ дней.

Солдаты спали на соломѣ, которая должна была имѣть подстилку изъ плетенки; но подстилка не выдавалась; взамиѣнъ ея солдаты получали старую солому. Лагерный мѣшокъ, sac de campement, употреблялся въ нѣкоторыхъ ротахъ вмѣсто одѣяла; въ другихъ онъ лежалъ свернутымъ съ ранцемъ. Порядокъ въ палаткахъ былъ образцовый; ранецъ помѣщался въ головахъ солдата; кивера и патронныя сумы были развѣшаны на палаточномъ древкѣ. Днемъ киверъ получалъ мѣсто на ранцѣ. Оружіе находилось подъ чехлами.

Офицерскія палатки были изъ двойнаго полотна и хорошо устроены; многія имѣли досчатый полъ и отличались всякаго рода комфортомъ.

Продовольствіе людей мы нашли такое же какъ въ Септъ-Омерѣ и въ Ватиньи; но солдаты платили здѣсь четырьмя сантимами меньше въ день, потому что жизненные припасы продавались дешевле. Обѣдъ назначался въ пять часовъ, и потому маневры и ученья рассчитывались такъ, чтобы все могло быть кончено къ этому времени.

(*) Всѣ эти документы хранятся въ архивѣ прусскаго главнаго штаба.

Прим. авт.

Офицеры устраивали свой столъ, смотря по своимъ удобствамъ: они обѣдали или поротно, или побаталіонно.

Въ лагерь были расположены 18-й, 37-й 38-й и 58-й пѣхотные полки и 2-й и 9-й конно-егерскіе. Войска были обучены хорошо, снаряжены вполне цѣлесообразно и производили благопріятное впечатлѣніе. Дисциплина поддерживалась строго и всѣ офицеры единогласно отзывались о ней съ похвалою. Во время нашего пребыванія въ лагерь только пять солдатъ сидѣли подъ арестомъ. Состояніе здоровья войскъ не оставляло желать ничего лучшаго: 18-го августа я нашелъ въ лазаретѣ очень малое число больныхъ, и это казалось тѣмъ болѣе удивительнымъ, что лагерь ни съ одной стороны не былъ защищенъ отъ вѣтровъ.

Хотя маневры во многомъ отличались отъ существующихъ у насъ упражненій, однако представляли и кое-что хорошаго, не недостойное вниманія.

Во Франціи на лагерь при Рокруа смотрѣли какъ на пріютъ карлизма; вѣроятно, по этой причинѣ герцогъ Орлеанскій и не пріѣхалъ сюда.

Жаменъ, генераль времени первой имперіи, лѣтъ шестидесяти, тѣлесно уже тяжеловатый, считался однимъ изъ лучшихъ тактиковъ французской арміи, но, кажется, придерживался доктрины. Говорятъ, что онъ былъ весьма опытенъ въ администраціи и обладалъ большимъ организаторскимъ талантомъ. Въ случаѣ войны, по отзывамъ офицеровъ, его едва-ли употребили бы, но для внутренней службы признавали совершенно годнымъ. На положеніе дѣлъ во Франціи онъ смотрѣлъ вѣрно.

— «Надъ нами господствуютъ журналисты, которые увлекли за собою всю массу легковѣрнаго народа, а что это значитъ, пояснять нечего», сказалъ генераль. Онъ не думаетъ однако, что бы во Франціи желали республики; по его убѣжденію, «laissez aller», подъ режимомъ палаты депутатовъ, состоявшей изъ среднихъ классовъ (*classes moyennes*), было общимъ желаніемъ страны.

Генераль Анріонъ (Henrion), командиръ первой бригады—25-й и 18-й полки—рослая, видная фигура, служившій нѣкогда въ главномъ штабѣ наполеоновской гвардіи, казался офицеромъ послушнымъ и преданнымъ. Старшая бурбонская линія внушала ему отвращеніе, потому что отиѣнила трехцвѣтное знамя, съ которымъ связывалось такъ много славныхъ воспоминаній, приказала снять съ вандомской колонны статую императора и, само собою разумѣется, еще потому, что... уволила въ отставку генерала. А какъ новая династія уничто-

жила всё эти «ужасы» (*horreurs*) и приняла генерала на службу, то она была у него въ чести и *faute de mieux*, т. е. за неимѣніемъ наполненнаго, Анріонъ представлялся ей приверженцемъ. Молодежь причисляла генерала Анріона къ «*vielles croûtes de l'empire*» къ «*vielles culottes de peau de veau*», какъ называли тогда людей, которые все еще жили въ имперіализмѣ и которыхъ только позднѣйшее время перекрестило въ шовинистовъ. Для самостоятельнаго командованія его считали неспособнымъ, но въ боевой линіи онъ навѣрное хорошо сыгралъ бы роль бригаднаго начальника. Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ наполеоновскихъ генераловъ, которые съяно бросаются на указаннаго имъ противника.

Выше Анріона стоялъ генераль Цѣпфель, командовавшій второю бригадою (37-й и 38-й линейные полки) и бывшій прежде однимъ изъ офицеровъ-ординарцевъ Наполеона. Онъ имѣлъ весьма основательный и вѣрный взглядъ на военное дѣло, знать не хотѣлъ про линейную тактику, но думалъ, что «*éducation individuelle du soldat*» (одиночное образованіе солдата), застрѣльщичья часть и стрѣльба въ цѣль должны быть развиваемы тщательно, а все прочее переходить въ область «вдохновеній» (*des inspirations*).

— «Прусакн», прибавилъ генераль Цѣпфель, «ступили на вѣрный путь, и если бы могли отбросить свою страсть къ *нелѣпымъ парадамъ* (*leur penchant pour les folies de parades*), то скоро имѣли бы наилучше обученную армію». На мой вопросъ, что онъ разумѣлъ подъ «нелѣпыми парадомн», «*folies de parades*», генераль отвѣчалъ, что мы знаемъ это не хуже его самого.

— «Въ прошломъ году», прибавилъ онъ, «стоялъ я на границѣ съ бригадою, равносильною здѣшней дивизіи. Я обучалъ ее совершенно по своей идеѣ, оставилъ уставъ быть уставомъ, и мнѣ очень жаль, что я не могъ вести ее противъ непріятеля и доказать что можно сдѣлать съ дивизіей, обученной по рациональнымъ принципамъ». Когда я замѣтилъ по поводу нѣкоторыхъ его мнѣній, что система его очень сходится съ мыслями маршала Саксонскаго, онъ сказалъ, что именно такъ должно поступать съ нашими, т. е. пѣхотнымъ оружіемъ, и что тогда можно достигнуть совершенства.

Генерала Сенъ-Женіе (*St. Genié*), командовавшаго кавалеріей (2-мъ и 9-мъ конно-егерскими полками), я не имѣлъ случая узнать коротко. Въ 1812 году, въ сраженіи при Ошмянахъ, онъ упалъ съ лошади, былъ взятъ въ плѣнъ, и съ тѣхъ поръ ему не удалось возстановить свою репутацію какими-нибудь «лихими подвигами», *quelques coups vigoureux de sabre*, какъ выражались офицеры его

бригады. Такъ какъ, при маневрахъ, кавалерія постоянно была употребляема только отдѣльными полками, то о дѣйстви ея не могло быть и рѣчи. Порядокъ службы въ полкахъ, равно и все обученіе войскъ, лежали на обязанности полковыхъ командировъ, и генераль могъ вмѣшиваться лишь въ случаѣ особенно грубыхъ неисправностей.

Мы нашли въ лагерѣ истинно-товарищескій пріемъ. Генераль Жамень прикомандировалъ къ намъ подполковника 18-го полка барона Моруа, который въ 1812 году былъ адъютантомъ Макдональда и зналъ всѣхъ высшихъ офицеровъ корпуса Іорка. Съ большою любезностію исполнялъ онъ роль нашего путевода. Начальникъ дивизионнаго штаба, полковникъ графъ Кармайель, также прежній адъютантъ Макдональда, оказывалъ намъ неменьшую любезность. Оба они отзывались не безъ горечи, что король прусскій не пожаловалъ ордена ни одному офицеру Макданальдовой главной квартиры, прибавивъ, что прусскій орденъ былъ бы носить съ гордостію, и дали понять, что еще не ушло время заглядить это упущеніе....

Я уже поминалъ, что дивизию считали проникнутою карлистскимъ духомъ. И не безъ причины. Это можно было замѣтить даже на дамахъ, присутствовавшихъ при маневрахъ, или посѣщавшихъ лагерь: шляпы ихъ были убраны карлистскими цвѣтами, зеленымъ и желтымъ, если не ошибаюсь. Вліятельный интендантъ корпуса, Дюбоа, и не скрывалъ своего карлизма, точно такъ же какъ и генераль Мартенъ, служившій въ наполеоновской гвардіи и пріѣхавшій въ гости къ дивизионному начальнику. Оба они подробно спрашивали насъ о духѣ, господствовавшемъ въ прусской арміи, много-ли у насъ республиканцевъ и т. п., и назвали насъ счастливыми, когда мы сказали, что о подобныхъ вещахъ у насъ даже не знаютъ, что армія непоколебимо вѣрна и предана королю. «У насъ, же» замѣтилъ Дюбоа, «всѣ унтеръ-офицеры республиканцы, а солдаты пролетаріи»!...

Какъ намъ показалось, генераль-интендантъ Дюбоа былъ средоточіемъ карлистскихъ интригъ. Нѣкогда капитанъ императорской гвардіи, онъ находился въ сношеніяхъ со всѣми прежними гвардейскими офицерами, которые питали къ нему большое довѣріе. Зять префекта, близкій родственникъ командовавшаго въ департаментѣ генерала, другъ и пріятель генераловъ въ лагерѣ, онъ нимало не стѣснялся въ своихъ отзывахъ. — «Повѣрьте мнѣ», сказалъ онъ, «всѣ эти люди ненавидятъ орлеановъ (*détestent les Orléans*); они нетерпѣливо ожидаютъ момента сбросить съ себя иго и стыдятся служить....» — тутъ Дюбоа употребилъ такое выраженіе, котораго я не позволяю себѣ передать. Въ томъ же смыслѣ говорили и многіе офицеры.

За столомъ генерала, въ которому мы были приглашены, хотя и соблюдалась бѣдшая сдержанность, однако карлизмъ прорывался такъ или иначе. Дюбоа, приглашая насъ на завтракъ, замѣтилъ, что мы увидимъ «сливки карлистовъ» изъ окрестностей, что отъ Пруссіи ожидаютъ возстановленія монархическаго принципа и т. д. Я предпочелъ уклониться отъ подобнаго политическаго завтрака, и, подъ предлогомъ поспѣшить отъѣздомъ въ Компіень, оставилъ лагерь. Впрочемъ интриги карлистовъ были хорошо извѣстны въ Парижѣ; но, что бы не дѣлать имъ огласки, правительство не хотѣло принимать энергическихъ мѣръ. Имѣя въ рукахъ всѣ нити, правительство могло отрѣзать ихъ въ данную минуту.

III.

Отъѣздъ въ Компіень.—Представленіе герцогамъ Орлеанскому и Немурскому.—Маршалъ Сульта.—Обѣдъ у герцога Орлеанскаго.—Осмотръ лагеря.—Характеристика принцевъ и генераловъ.—Отъѣздъ въ Парижъ и въ Люневиль.—Очерки тамошнихъ дѣлъ и лицъ.—Возвращеніе въ Берлинъ.

Газеты возвѣстили большой смотръ въ Компіенѣ на 2-е сентября. По этой причинѣ мы сократили наше пребываніе въ Рокруа, желая во-время прибыть туда. Но какъ пріѣздъ маршала Сульта замедлился на нѣсколько дней, то отложенъ былъ до его пріѣзда и назначенный смотръ. Мы воспользовались однимъ днемъ, чтобы высушить наши мундиры и шляпы и вообще изготавить свой туалетъ; однако вскорѣ явился полицейскій комисаръ, возвратилъ намъ наши паспорта и убѣдительно просилъ насъ поспѣшить представленіемъ герцогу Орлеанскому.

Окончивъ туалетныя приготовленія, я огриправился къ начальнику штаба, полковнику Опику (Aupic), извѣстить его о нашемъ пріѣздѣ и просить совѣта относительно представленія герцогу, командовавшему лагеремъ. Полковникъ принялъ меня весьма вѣжливо, сказавъ, что насъ ожидали, и совѣтовалъ поскорѣ увидѣться съ генераломъ Бодраномъ, первымъ адъютантомъ принца. Не заставъ генерала дома, я написалъ ему нѣсколько строкъ и просилъ сообщить желаемыя мною свѣдѣнія. Непосредственно затѣмъ я получалъ отвѣтъ, что принцъ приметъ насъ въ двѣнадцать часовъ на учебномъ плацу. Пока мы совѣщались между собою о томъ, какъ и на чемъ намъ ѣхать туда, явился штальмейстеръ пранца и подвелъ намъ трехъ верховыхъ лошадей, которыя отдавались въ наше распоряженіе на все время пребыванія въ лагерь. Не теряя времени, мы тотчасъ же сѣли на коней. Едва успѣли мы достигнуть оазскаго моста, какъ увидѣли

принца, ѣхавшаго на учебное поле съ маршаломъ Сультомъ, министрами Тьеромъ и Риньи и со многими другими генералами. Не смѣша присоединиться къ свитѣ принца, мы держались въ нѣкоторомъ отдаленіи; но когда были еще шагахъ во ста отъ него, подъѣхалъ къ намъ второй адъютантъ принца, генераль Марбо, и попросилъ насъ примкнуть къ свитѣ его высочества, такъ какъ герцогъ, вѣроятно, очень скоро пожелаетъ видѣть насъ. Едва мы успѣли исполнить это, генераль Бодранъ предложилъ намъ ѣхать съ нимъ и представиться принцу. Только маршалъ Сультъ да адмиралъ Риньи были шаговъ на двадцать впереди; министр Тьеръ держался шагахъ въ десяти въ сторонѣ отъ принца; генералы Шаюль, Эссельмансъ, Шнейдеръ и другіе ѣхали нѣсколькими группами позади его высочества. Когда мы приблизились и генераль назвалъ насъ по имени, герцогъ снялъ шляпу и сказалъ:

— «Милости просимъ! Хотя вы и не увидите здѣсь такихъ прекрасныхъ вещей, какія рассказываютъ о вашихъ войскахъ — а рассказываютъ чудеса (*et cela tient au miraculeux*) — однако мы дѣлаемъ какъ умѣемъ».

— «Ваше высочество», отвѣчалъ я, «все видѣнное нами до сихъ поръ изъ французской арміи внушило намъ глубокое уваженіе къ ней, и надобно употребить большія усилія, чтобы оспорить у нея преимущество во многихъ отношеніяхъ».

— «Вамъ помогаетъ ваша организація», возразилъ принцъ; «все у васъ идетъ по-военному, дружно, а это-то и нужно для успѣха въ нашемъ дѣлѣ». (*Vous faites tout marcher militairement, roulement, et voilà ce qu'il faut pour réussir dans notre état*).

— «Преимущество нашей организаціи заключается въ томъ, что она какъ бы срослась съ бытомъ народа, нераздѣльна съ нимъ. Всякій знаетъ, куда онъ принадлежитъ; народъ и войско образуютъ одно тѣло».

— «Армія только авангардъ народа; это-то именно и нужно, и я надѣюсь, что мы достигнемъ до того» (*c'est précisément ce qu'il faut et j'espère que nous y parviendrons*), отвѣчалъ принцъ.

Разговоръ принялъ общій оборотъ: принцъ спросилъ гдѣ мы стоимъ въ гарнизонѣ, осведомился о нѣкоторыхъ подробностяхъ нашего вооруженія и обмундированія... Въ это время подошелъ къ его высочеству генераль Шнейдеръ и сказалъ ему нѣсколько словъ, а полковникъ Бойе, адъютантъ герцога Немурскаго, воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобы представить насъ и этому принцу. Герцогъ Немурскій казался нѣсколько смущеннымъ; онъ предложилъ намъ лишь

немногіе вопросы: гдѣ мы стоимъ гарнизономъ, долго-ли пробудемъ въ Компіентъ; съ поручикомъ же Гофманомъ говорилъ о его уланской шапкѣ, о пантронташѣ, и вообще объ уланахъ.

Когда мы стали подъѣзжать къ войскамъ, принцы отделились отъ насъ и направились безъ свиты, въ сопровожденіи только ординарцевъ, къ своимъ частямъ; пѣхота, кавалерія и артилерія были выстроены въ одну линію, для приѣма маршала Сульта. Насъ принцъ поручилъ генералу Гальбоа, суасонскому коменданту, который долженъ былъ сообщать намъ всѣ нужныя свѣдѣнія и сопровождать насъ.

Войска отдали честь подъѣхавшему маршалу; затѣмъ принцъ и маршалъ медленно поѣхали вдоль фронта, и когда достигли лѣваго фланга, маршалъ повернулъ и остановился впереди фронта; принцъ же остался при войскахъ и занялся построеніемъ ихъ къ маневру.

Я воспользовался этою минутою, чтобы быть представленнымъ маршалу Сульту. Онъ принялъ насъ очень ласково, сказалъ:—«*Soyez les bienvenus, messieurs! On vous voit avec plaisir, avec beaucoup de plaisir au camp.*».—(«Добро пожаловать, господа! Съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ видимъ васъ въ лагерь»), потомъ сталъ спрашивать о нашихъ лагеряхъ, велики ли они, кто ими командовалъ, долго ли войска оставались въ сборѣ, участвовалъ-ли съ ними ландверъ, какъ пронаводилась стрѣльба въ цѣль, сколько патроновъ разстрѣляли войска и занимался-ли также ландверъ этою стрѣльбою?

Начавшійся маневръ прекратилъ нашу бесѣду. Генералъ Гальбоа тотчасъ же вступилъ въ должность самаго любезнаго чичерони, но такъ какъ планъ маневровъ былъ намъ вполне извѣстенъ, то онъ удовольствовался обращать наше вниманіе на наиболѣе интересныя моменты ихъ. На вопросъ генераловъ Эксельманса и Пажоля, все-ли онъ намъ объясняетъ, Гальбоа отвѣчалъ, что мы и безъ объясненій какъ нельзя лучше понимаемъ «*les évolutions*».

Маневры, которые я въ свое время подробно описалъ въ донесеніи королю, отличались вообще тѣмъ же характеромъ, какъ и маневры, уже видѣнные нами въ лагеряхъ сѣверной арміи. Оба пѣхотные полка, 42-й и 36-й въ трехбаталіонномъ составѣ, подъ командою генерала Бланкара, двигались очень хорошо; повсюду господствовали спокойствіе и военная выправка. Во время упражненія войскъ, генералы Марбо и Бодранъ неоднократно заговаривали съ нами, обращая наше вниманіе на хладнокровіе, съ которымъ принцъ водилъ войска, и на его красивую посадку въ сѣдлѣ. Когда артилерія — одна батарея — должна была перейти ровъ, а кавалерія — 2-й кирасирскій, 1-й и 2-й

улашніе позы—подъ начальствомъ герцога Немурскаго, проведена атака, всё стали указывать на «се beau mouvement» («на это прекрасное движеніе»). Дѣло, точно, шло весьма ладно; но дышаніе не имѣло въ себѣ ничего суровительнаго, порывистаго, чѣмъ, однако, должна была бы отличатся такого рода атака.

По окончаніи маневра, продолжавшагося около двухъ часовъ, войска составили ружья и генералъ Гальбоа извѣстилъ насъ, что у принца будетъ теперь приемъ и что мы также должны отправиться къ нему. Оба принца помѣстившись, съ этою мѣстою, между пѣхотой и кавалеріей; маршалъ Сульта и адмиралъ Ринья уже были тамъ. Хотя адмиралъ, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, и упалъ съ лошади, однако дождался окончанія маневра; напротивъ, министръ Тюръ упалъ, потому что лошадь его нуралась пальбы, и еще потому, что... сталъ макрапывать дождь. Вскорѣ мы увидѣли, что всѣ офицеры потянулись къ сборному мѣсту, и когда снѣ приближались къ принцамъ, жандармы отъвели ихъ толпы народа, чтобы очистить мѣсто офицерамъ. Герцога Орлеанскій вынулъ изъ перты—сигара сигару, закурилъ ее и предложилъ каждому изъ насъ по сигарѣ; но какъ вой мы трое не куримъ, то онъ воскликнулъ съ удивленіемъ:— «Mon Dieu, voilà trois officiers prussiens dont aucun ne fume!» («Удивительно! вотъ три прусскіе офицера, изъ которыхъ ни одинъ не куритъ!»). Такъ какъ сигары, подаваемыхъ принцемъ, некоторымъ генераламъ не достало, то его высочество приказалъ своему егерю принести вѣснолька пачекъ и сталъ одѣвать офицеровъ. Когда же со всѣхъ сторонъ протянулись руки, принцъ, повидному нѣсколько раздосадованный, сказалъ:— «Eh bien, messieurs, prenez tout!» («Да ужъ берите все, господа!»), и положилъ на землю пачку, изъ которой сигары вмнѣ исчезли.

Во время этой сцены, генералъ Марбо спросилъ меня, какъ мнѣ нравится принцъ и что я думаю о преданности къ нему народа (*attachement du peuple*)....— «Mais le prince est charmant, il est même plus!» («принцъ очень любезенъ, даже болѣе!») отвѣчалъ я.— «А что до преданности къ нему народа, то мы не можемъ дивиться: мы привыкли къ подобнымъ проявленіямъ, потому что, при малѣйшихъ военныхъ смотрахъ, собирается все остротное населеніе».— «Вполнѣ понимаю это», замѣтилъ Марбо; «вѣдь у нѣмцевъ вѣрность къ государю—часть ихъ религіи....»

Принцъ обходясь, между тѣмъ, дружокъ офицеровъ, разговаривалъ о маневрахъ, обращалъ же къ тому, то къ другому офицеру съ ласковыми словами. Маршалъ Сульта былъ между сообщившихся.

онъ удостоивалъ разговоромъ лишь нѣсколькихъ офицеровъ. Мы, въ это время, служили предметомъ общаго любопытства и дали поводъ къ оживленнымъ преніямъ о томъ, какого рода мы люди.... Рѣшено было, что мы должны быть или русскіе, или прусакъ....

Послѣ часоваго отдыха, маневры продолжались. Лишь только офицеры ушли, народъ до того стѣснился около герцога Орлеанскаго, что онъ не могъ добраться до своей лошади, и такъ какъ толпа не трогалась съ мѣста, то его высочество сказалъ съ неудовольствиемъ:—«*Mais que me voulez-vous? Regardez-moi bien: je suis un homme comme vous, mais rangez-vous et laissez moi passer....*» («Чего вы хотите отъ меня? Посмотрите хорошенько: я такой же человѣкъ, какъ и вы; посторонитесь же и дайте мнѣ пройти»). Когда и это не помогло, принцъ кивнулъ жандармамъ, которые, наконецъ, отгѣнили толпу и дали принцу возможность съѣсть на коня.

Передавъ команду генералу Бланнару, герцогъ Орлеанскій останавливался, во время маневровъ, то здѣсь, то тамъ, и имъ во что же обвинялся, и только при неудавшейся кавалерійской атакѣ отзывался: «*c'était une attaque vaincue*» («атака не удалась»). Генералъ Водригъ сказалъ намъ, что принцъ охотно говоритъ по-нѣмецки и радъ былъ бы случаемъ побесѣдовать на этомъ языкѣ. Вслѣдъ затѣмъ, принцъ, обратясь ко мнѣ, замѣтилъ, что мы промокнемъ на дождѣ. Я отвѣчалъ, что есть нѣмецкая пословица: «Возь дождя не бываетъ хорошаго смотра». Эту я сказалъ по-нѣмецки («*keine gute Revue ohne Regen*»). Принцъ отвѣчалъ также по-нѣмецки:—«*Da machen sie mir ein Compliment, dass ich nicht verdiene; aber sie müssen nur nicht Ihren Masstab anlegen: mit Ihnen können wir uns nicht messen*». («Вы говорите мнѣ комплиментъ, котораго я не заслуживаю; не прищипывайте только своего масштаба: съ нами мы не можемъ мѣряться»). Принцъ выражался по-нѣмецки очень хорошо и почти безъ отгѣна того южно-германскаго нарѣчія, которое господствуетъ во Франціи. Съ этой минуты онъ говорилъ съ нами болѣею часѣю по-нѣмецки, особенно если желалъ, чтобы разговоръ не свѣдался общимъ.—«Я скоро забуду мой нѣмецкій языкъ», сказалъ онъ между прочимъ; «нѣмцы, приѣзжающіе во Францію, хотя бы выучиться по-французски и мы должны, *mal gré, bon gré*, говорить съ нами по-французски». Когда же я замѣтилъ, что, зная такъ хорошо по-нѣмецки, ему нечего опасаться забыть этотъ языкъ, принцъ, обращаясь къ окружающимъ его офицерамъ, сказалъ:—«*Le major m'assure que*

je parle l'allemand comme un allemand» («Майоръ увѣряетъ меня, будто я говорю по-нѣмецки какъ нѣмецъ») — переводъ, конечно, слишкомъ вольный моего отзыва, который, однако, я позволю себѣ подтвердить.

Усилившійся дождь заставилъ сократить маневръ. Во время церемоніальнаго марша, Султтъ надѣлъ на себя шинель, но оба принца не послѣдовали его примѣру. Герцогъ Орлеанскій стоялъ вправо, нѣсколько позади маршала; герцогъ Немурскій влѣво, также нѣсколько позади. Хотя равненіе и вообще выправка войскъ далеко не отличались такою точностію какъ у насъ, однако все шло ладно по французскимъ понятіямъ. Послѣ церемоніальнаго марша, войска отиравались прямо въ лагерь: принцъ и окружавшіе его генералы поѣхали шагомъ въ городъ. Возвращеніе войскъ представило нашимъ прусскимъ глазамъ, привыкшимъ къ военной щеголеватости, немало всякаго рода диковинокъ и hors d'oeuvres. Помню колоссальнаго тамбуръ-мажора національной гвардіи въ огромной медвѣжьей шапкѣ, который, во всемъ своемъ парадномъ одѣяніи, ѣхалъ верхомъ на ослѣ, имѣя впереди себя свою супругу, которая сидѣла не по-дамски, а просто верхомъ. Бѣлые холстинные панталоны рослаго дѣтны поднялись, при этомъ, такъ высоко, что выставили въ природной красѣ его икры... У насъ подобное зрѣлище возбуждало бы неудержимый хохотъ въ публикѣ, а уличные мальчишки, вѣроятно, выкинули бы какую-нибудь забавную шутку; здѣсь же это никому не казалось неприличнымъ, и тамбуръ-мажоръ ѣхалъ на своемъ ослѣ такъ невозмутимо-спокойно, курилъ сигару такъ беззаботно, какъ будто служилъ украшеніемъ зрѣлища. Многіе національные гвардейцы, одѣтые въ мундирахъ, толкаясь въ толпѣ, критиковали маневры, и, большею частію, были въ возбужденномъ настроеніи, или, говоря яснѣе, подъ хмѣлькомъ. Проходя мимо маршала или мимо принца, нѣкоторые изъ нихъ прикладывали руку къ головному убору и произносили: — «bon jour, monsieur le maréchal!... bien bon jour, mon prince!...»

Когда мы приблизились къ городу, часть свиты отделилась и поѣхала къ своимъ квартирамъ; немногіе, въ томъ числѣ и мы, сопровождали принцевъ, чрезъ садъ, до дворца, что означало родъ отличія.

Передъ обѣдомъ, къ которому мы были приглашены, былъ приемъ въ одной изъ дворцовыхъ залъ. Для этого мы выстроились полукругомъ насупротивъ дверей, которыя вели въ покои принцевъ. Первымъ вышелъ герцогъ Орлеанскій, въ томъ же костюмѣ, какъ и

на парадѣ, имѣя только шляпу подъ мышкою; вслѣдъ за нимъ появился маршалъ Сультъ, въ бѣлыхъ штанахъ, въ бѣломъ жилетѣ и въ такомъ же галстухѣ, съ наряднымъ жабо; мундиръ былъ растегнутъ; шляпа подъ мышкою.

Принцъ началъ обходъ справа, маршалъ слѣва. Мы, трое прусакъ, стояли рядомъ. Разные вопросы, къ намъ обращаемые, ограничивались вначалѣ обыкновенными предметами: устали-ли мы на маневрахъ, удобно-ли намъ въ нашемъ отелѣ и т. п. Только у капитана Энке маршалъ спросилъ о кое-какихъ подробностяхъ артилеріи, между прочимъ о томъ, какъ мы перевозимъ прислугу пѣшихъ батарей при быстрыхъ движеніяхъ? Когда Энке сказалъ, что нѣкоторые люди сидятъ на передкѣ, другіе садятся на лошадей, для чего упряжныя лошади имѣютъ небольшія легкія сѣдла, маршалъ взглянулъ на принца, какъ бы желая знать его мнѣніе. Принцъ выразился въ такомъ смыслѣ, что этотъ способъ перевозки предполагаетъ умяніе всѣхъ людей ѣздить верхомъ, но что онъ долженъ весьма утомлять лошадей. Сультъ не раздѣлялъ, кажется, мнѣнія принца, и когда послѣдній прибавилъ, что крѣпостная артилерія имѣетъ нѣкоторыя преимущества предъ системою полевой, маршалъ прекратилъ разговоръ, сказавъ: «*tout le système est bon*» («всякая система хороша»). Маршалъ говорилъ еще многое о преимуществахъ хорошей организаціи, и, съ большею нежели утромъ тщательностію, освѣдомлялся о стрѣльбѣ въ цѣль. На объясненія мои, что у насъ усердно занимаются ею, Сультъ замѣтилъ, что это должно возлагать большіе труды на офицеровъ, и прибавилъ: «*Enfin, ce ne sont pas quelques balles de plus ou de moins qui décident la guerre—c'est le génie de la guerre!*» («Въ концѣ концовъ, войну рѣшаетъ не большее или меньшее количество выпущенныхъ пуль—ее рѣшаетъ военный гений»). Въ продолженіе всего этого такъ называемаго приѣма (*сout*), герцогъ Немурскій стоялъ прислонясь къ дверной стѣнкѣ и не говорилъ ни съ кѣмъ; только со своимъ адъютантомъ перекинулся онъ немногими отрывочными фразами.

За обѣдомъ я былъ помѣщенъ по правую руку маршала, который сидѣлъ возлѣ принца, также съ правой руки. Разговоръ сдѣлался скоро общимъ; Tierъ ораторствовалъ много и громко; Сультъ же возвратился къ прежнему предмету нашей бесѣды и спрашивалъ меня объ организаціи нашего генеральнаго штаба. Когда я изложилъ маршалу всѣ подробности устройства его, Сультъ выразилъ мнѣніе, что прусскій генеральный штабъ долженъ быть хорошъ, удовлетворяетъ своему назначенію въ мирное время, вносить «много свѣта» (*beau-*

сoup de lumière) въ армию, но неудовлетворителема для войны. Потомъ онъ спросилъ, кого въ 1830 году, въ случаѣ войны, назначили бы главнокомандующими арміей? Я назвалъ фельдмаршала Гнейзенау. Этотъ отвѣтъ вызвалъ вопросъ: кто таковъ Гнейзенау, гдѣ и чѣмъ онъ командовалъ?... Миѣ надлежало пояснить, что генералъ Гнейзенау былъ начальникомъ штаба при фельдмаршалѣ Блюхерѣ. Когда я сталъ говорить о принцѣ Карлѣ Мекленбургскомъ, о принцѣ Августѣ, о генералахъ Борстадѣ, Цитовѣ, Грольманѣ, Яговѣ, Мюфлингѣ, Сульцѣ спрашивалъ при каждомъ: командовалъ ли онъ и чѣмъ именно.... Если я отвѣчалъ, что такой-то командовалъ дивизіей, маршалъ произносилъ: «ah, très bien!» («а! очень хорошо!»); если же я упоминалъ, что такой-то былъ начальникомъ корпуснаго штаба или штаба арміи, онъ восклицалъ: «ce n'est rien, il faut avoir commandé». («Это ничего не значитъ; надобно командовать»). Маршалъ спросилъ потомъ о нашемъ военномъ министрѣ Гаакѣ, и до чему онъ хочетъ выйти въ отставку? На отвѣтъ мой, что министръ разстроилъ на службѣ здоровье и, вѣроятно, хочетъ отдохнуть въ послѣдніе годы жизни, возразилъ:—«Et vous n'avez pas encore des chambres, des députés, qui s'amuse de tuer les ministres à coup d'épingles.... Mais vous les aurez plus tard et on s'apercevra ce que c'est, quand tout le monde s'ingénie de diriger les affaires dont on n'entend rien». («А у васъ еще нѣтъ ни палатъ, ни депутатовъ, которые потѣшаются доканывать министровъ мелочными придирами.... Но будутъ палаты и депутаты и у васъ, и вы увидите что значитъ, когда всакий суется управлять дѣлами, въ которыхъ ничего не смысляетъ»). Какъ часто, впоследствии, вспоминалъ я слова маршала!.... Вдругъ онъ круто повернулъ разговоръ и сказалъ:—«Но вы еще не назвали мнѣ знаменитѣйшаго между всѣми артилерійскими генералами.... Гдѣ онъ теперь?» Я назвалъ полковника Барделебена и всѣхъ тогда извѣстныхъ артилеристовъ, но маршалъ повторилъ: «non, non, c'est un autre» («нѣтъ, нѣтъ, не тотъ»). Наконецъ онъ сказалъ мнѣ, что распорядился перевести его сочиненія на французскій языкъ. Послѣ этого я, все еще неувѣренно, назвалъ Шарнгорста, и маршалъ воскликнулъ: oui, oui, c'est lui!» («да, да, онъ самый!»). На мое замѣчаніе, что генералъ Шарнгорстъ давно умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Люце номъ (*), Сульцъ отвѣчалъ: «я этого не зналъ.... но его сочиненія весьма оцѣнены во Франціи». Въ заключеніе маршалъ спросилъ, когда мы выѣжали изъ Берлина и видѣли ли тамъ императора

(* Шарнгорстъ умеръ въ 1813 году.

російскаго. На мой отвѣтъ, что ми уѣхали до прибытія его величества и узнали о томъ изъ газетъ въ лагерѣ при Ватиньи, онъ произнесъ: «oh! c'est bien, très bien!» («хорошо, очень хорошо!»).

Пока имъ, такимъ образомъ, бесѣдовали, пришла очередь подавать меренское: оно было сервировано въ колесальной серебряной вазѣ на шкато и изображало какого-то идеологическаго героя, окруженнаго величественными атрибутами. Генералъ Бодранъ взялъ на себя трудъ — не знаю по обязанности ли службы — раздавать части этого героя. Кончивъ дѣло, онъ сказалъ довольно громко, что гораздо и на великую другую службу... Такая безцеремонность, очевидно, не понравилась принцу и онъ не могъ не замѣтить генералу, что «un tapage pareil guère séant à la table d'un prince» (подобный шумъ неумѣстенъ за столомъ принца). Добрый генералъ смиренно выслушалъ замѣчаніе.

Послѣ обѣда у принца было собраніе (conseil), къ которому пріѣхали изъ лагеря многіе офицеры. Всѣ они были въ полной формѣ (grande tenue), а карасарскіе офицеры, болышею частію, не снимали и ясаковъ. Предметомъ разговора служила политика, охота и женщины. Толковали о новыхъ ружьяхъ, о снарядахъ, показывали послѣдніе другъ другу, причемъ нѣсколько пуль и крупинокъ дробицы рассыпались по полу. «Baudrand, ramassez donc les balles et les chevrotines» («Бодранъ, подберите же пули и дробь»), закричалъ французъ... и Бодранъ исполнилъ приказаніе безпрекословно.

Въ смежной комнатѣ разложено было множество газетъ и журналовъ, но почти никто и не прикасался къ нимъ. Только одинъ вѣроятный офицеръ былъ какъ бы прикованъ къ столу. — «Этотъ офицеръ», сказали мнѣ, «только и знаетъ что читаетъ и ни на кого не обращаетъ вниманія; но онъ человекъ дѣловой и долго былъ въ Алжирѣ начальникомъ арабскаго бюро».

Ладунка поручика Гофмана возбуждала всеобщее любопытство. «C'a ressemble plutôt à une bonbonnière qu'à une giberne» («это похоже скорѣе на бонбоньерку, чѣмъ на ладунку»), замѣтилъ одинъ пожилой карасарскій офицеръ. Гофманъ отвѣчалъ, что у насъ въ кавалеріи мало думаютъ о стрѣльбѣ и во всемъ полагаются на саблю.

Мы оставались часовъ до девяти, послѣ чего удалились вмѣстѣ съ другими приглашенными.

На другой день мы осматривали лагерь, лазаретъ и все, что было замѣчательнаго во дворцѣ и въ городѣ. По дворцу водилъ насъ генералъ Марбо. Жилыя комнаты принцевъ оказались весьма

красивыми и убранными съ большимъ стараніемъ. На мой вопросъ, приглашаетъ-ли герцогъ Орлеанскій дамъ на вечера и собранія, генераль отвѣчалъ, что принцъ не дѣлаетъ этого преднамѣренно. — «Вы знаете, что случилось бы тогда.... Главная квартира превратилась бы во вмѣстилище интригъ, всѣ стали бы подкапываться другъ подъ друга, чего принцъ хочетъ избѣгнуть».... «Впрочемъ», прибавилъ генераль Марбо, «cela n'empêche peut-être pas qu'il en reçoit en particulier» («это, быть можетъ, не мѣшаетъ ему принимать дамъ наединѣ») — намекая на отношенія принца къ красавицѣ Леонтиѣ Ф.... и полагая, что и мы и слышали о томъ, такъ какъ исторія ни для кого изъ французовъ не была тайною. Въ спальнѣ мнѣ бросилась въ глаза узкая желѣзная кровать герцога Орлеанскаго, съ самою простою постелью. На мое замѣчаніе, что эта кровать похожа на ложе императора Николая, генераль сказалъ, что принцы смолоду приучены къ простотѣ во всемъ.

Хотя я предполагалъ присутствовать только при одномъ маневрѣ въ компіенскомъ лагерѣ, потому что маневры подъ Люневилемъ должны были скоро кончиться, но принцъ такъ любезно приглашалъ насъ по-смотреть второй маневръ, что было бы безтактно не принять приглашенія. И потому, на другой день, мы ожидали принца у главнаго дворцоваго крыльца и сопровождали его на учебное поле. На этотъ разъ маневръ долженъ былъ имѣть другой характеръ, а именно: изображать переправу черезъ рѣку, для чего и сдѣланы были нужныя приготовленія. Наведеніе моста черезъ Оазу кончилось скоро и успѣшно; вольтижеры, имѣвшіе назначеніемъ вытѣснить неприятеля на противоположномъ берегу, исполняли это основательно и искусно, очень хорошо пользуясь мѣстностію. Принцъ похвалилъ образъ дѣйствія и другихъ оружій, съ чѣмъ нельзя было не согласиться, даже будучи ригористомъ.

И въ компіенскомъ лагерѣ войска отличались вполне боевою подготовкою. Такъ какъ они не принадлежали къ сѣверной арміи, а были взяты изъ разныхъ гарнизоновъ, то можно было заключить, что равносильными долженствовали быть и прочіе полки. Офицеры увѣряли насъ, что дѣйствительно такъ и есть, что многіе полки даже превосходили здѣсь собранныя, что снаряженіе и обмундированіе одинаковы во всей арміи. Мнѣ показалось, что дисциплина въ компіенскомъ лагерѣ была слабѣе нежели въ лагерѣ сѣверной арміи: по крайней мѣрѣ здѣсь я видѣлъ больше пьяныхъ солдатъ, чѣмъ тамъ; случались также столкновенія между буржуа и солдатами. Арестантская (salle de discipline) была однако пуста и офицеры говорили,

что дисциплина «отличная» (perfecte). Относительно «военной дисциплины» (discipline militaire) это было, статья можетъ, и справедливо. Продовольствіе, лагерная служба, лазаретныя учрежденія вполне соответствовали уставу, т. е. были хороши. Форма кухонь отличалась здѣсь отъ кухонь другихъ лагерей и намъ выставляли ихъ за совершенство, особенно въ сбереженіи топлива, что позволяло на вырученныя отъ излишка его деньги улучшать солдатское хозяйство. Въ носкѣ тяжестей замѣчались нѣкоторыя уклоненія противъ способа, употреблявшагося въ другихъ лагеряхъ, равно и въ размѣщеніи вещей въ палаткахъ. Полковые командиры сказывали намъ, что въ этомъ они предоставляютъ солдатамъ полную свободу, и что вообще постановлено правиломъ не стѣснять солдатъ излишнею опекою. Стрѣльбѣ въ цѣль посвящалось много времени, но много-ли вниманія—не знаю.

Во второй день маневра опять были обѣдъ и «большой пріемъ», какъ выражались французы. Повторилось тоже, о чемъ я уже говорилъ. Маршалъ Сультъ уѣхалъ еще рано утромъ; за нимъ послѣдовали министры Тьеръ и Риньи. Мѣста ихъ за обѣденнымъ столомъ были заняты другими гостями. Разговоръ шелъ о движеніяхъ во время маневра, о дѣлахъ въ Испаніи, о нѣкоторыхъ задорныхъ газетныхъ статьяхъ, но онъ не былъ такимъ оживленнымъ и общимъ, какъ въ первый день. Вечернее собраніе также не отличалось оживленностію. Въ девять часовъ я попросилъ генерала Бодрана доложить принцамъ о желаніи нашемъ откланяться. Герцогъ Орлеанскій былъ весьма милостивъ, еще разъ повторилъ, какъ пріятно ему было видѣть насъ въ своемъ лагерѣ, и прибавилъ, что надѣется опять увидѣться съ нами въ скоромъ времени. Даже герцогъ Немурскій нарушилъ свою молчаливость и сказалъ намъ нѣсколько любезныхъ словъ. Всѣ офицеры отнеслись къ намъ съ такою же любезностію. Прощаясь, мы поблагодарили ихъ за радушный пріемъ и выразили искреннее сожалѣніе, что не могли долѣе остаться при прекрасныхъ и поучительныхъ маневрахъ.

Кто видѣлъ десятка три баталіоновъ пѣхоты, съ дюжину полковъ кавалерійскихъ, артилерійскіе парки корпуса и обозъ, нѣсколько крѣпостей, арсеналовъ и цейгхаузовъ, тотъ можетъ воспроизвести въ умѣ своемъ довольно вѣрную картину арміи, къ которой они принадлежали. Но важно узнать и тѣхъ, которые начальствовали войсками... Объ орлеанскихъ принцахъ было высказано много разныхъ сужденій. Въ то время я не дѣлалъ о нихъ никакихъ отзвовъ, потому что какъ ни далеко стояли они тогда отъ нашихъ

принцевъ, но все-таки они были принцы, а трогать эту струну всегда нелезко. При томъ было бы неблагодарностию съ моей стороны, если бы я, вскорѣ послѣ оказаннаго мнѣ ласковаго приѣма, позволялъ себѣ выразить не безусловно-благоприятное о нихъ мнѣніе. Теперь лежить за нами цѣлая четверть вѣка; герцогъ Орлеанскій сошелъ со сцены жизни; герцогъ Немурскій удался со сцены политической дѣятельности, и потому, полагаю, меня не обвинять въ нескромности, если я сообщу нѣсколько данныхъ для ихъ характеристики.

Герцогъ Орлеанскій, красивый мужчина, съ тонкими чертами лица, которому косоватые глаза придавали, однако, нѣсколько лукавое выраженіе, былъ, безъ сомнѣнія, одаренъ прекрасными душевными качествами. Онъ весьма вѣрно понималъ свое положеніе, и потому всю свою заботливость обращалъ на привлеченіе къ себѣ арміи, ожидая найти въ ней поддержку. Съ солдатами обращался ласково, снисходительно, охотно разговаривалъ съ ними, посѣщала казармы, палатки, выслушивалъ просьбы и жалобы, помогалъ тамъ, гдѣ могъ, и нерѣдко радовалъ заслуженныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ подарками и вспоможеніями. Безъискусственность обращеніи и солдатская откровенность стяжали герцогу довѣріе нижнихъ чиновъ. Разнымъ образомъ онъ, въ высокой степени, пріобрѣлъ довѣріе офицеровъ своею неприкрытою въ сношеніяхъ съ ними, согласованіемъ съ ихъ взглядами и мнѣніями, выслушиваніемъ ихъ желаній и просьбъ и товарищескимъ, которое имѣло въ себѣ что-то обаятельное и было чуждо всякаго покровительственнаго оттѣнка. Пожилыхъ штабъ-офицеровъ и генераловъ онъ привлекалъ къ себѣ бесѣдами о военныхъ предметахъ, раздѣляя ихъ мнѣнія и одобряя ихъ дѣла, ходатайствовалъ то за того, то за другаго, подавалъ надежды на будущее. Вездѣ герцогъ показывалъ видъ, какъ будто хочетъ учиться, но умѣлъ, притомъ, льстить тщеславію старичковъ, и—позволяю себѣ такъ выразиться— «дурачить» (durer) ихъ добродушіе.

Состояніе Франціи, съ ея ожесточенною борьбою партій, съ ея котеріями, комплотами, клубами, заговорами и проч. и проч., внушало герцогу, конечно, омерзѣніе; но тѣмъ ближе принималъ онъ къ сердцу ея военную славу. Презрѣніе же, съ которымъ Европа встрѣтила іюльскую династію, хотя и не могло не раздражать его, однако онъ умѣлъ скрывать свои чувства, и только отъ времени до времени высказывалъ какое-нибудь многозначительное, по этому предмету, слово.

Герцогъ Немурскій, тихій, скрытный, сосредоточенный въ са-

мошь себѣ, игралъ роль отрицательную, по природенной—ли апатіи или по обдуманному плану. Я часто видалъ его стоящимъ, прислонивъ къ дверямъ, но цѣлыми часамъ, не вымолвивъ ни слова. Но онъ не имѣлъ недостатка въ умѣ, и въ обществѣ ходили многія приписываемыя ему остроты. Справедливо—ли было мнѣніе, будто сочувствіе къ маршальской династіи настроило его апатически, я, конечно, утверждать не могу; однако весьма многіе офицеры думали именно такъ.

Замѣчательнѣйшею личностію былъ, безусловно, престарѣлый маршалъ Сульть. Въ 1813 году, когда я видалъ его въ послѣдній разъ, онъ очень опустился, сидѣлъ на донѣ метвардо, но сохранилъ всю свѣжесть ума (*). Мнѣ говорилъ, что онъ часто принималъ докладъ въ пять часовъ утра и работалъ по нѣсколькимъ часамъ средо, не вставая съ мѣста. Въ арміи онъ пользовался большимъ уваженіемъ. «Les journaux nous disent», сказалъ мнѣ одинъ солдатъ, «que c'est un fameux voleur; mais c'est le premier homme de guerre de l'Europe et voilà ce qu'il nous faut» («въ газетахъ пишутъ, будто онъ извѣстный воръ; но онъ первый воинъ въ Европѣ, а намъ только это и нужно») — отзывъ, свидѣтельствующій о сильномъ вліяніи журналистики на толпу, но не могшій поколебать довѣрія арміи къ заслуженному генералу. Принималъ—ли бы маршалъ, въ случаѣ войны, главное начальство надъ арміею или остался бы военнымъ министромъ, это зависѣло бы, вѣроятно, отъ обстоятельствъ; въ обоихъ случаяхъ, онъ съ честью исполнилъ бы свою обязанность, а какъ военачальникъ проявилъ бы, безъ сомнѣнія, ту же непоколебимость, которую такъ часто доказывалъ въ прежнихъ воймахъ. Очевиднымъ доказательствомъ довѣрія Наполеона къ Сульту служить назначеніе его, по смерти Бертье, начальникомъ главнаго штаба, а потомъ главнокомандующимъ пиренейскою арміею.

Изъ другихъ генераловъ выдавался въ компиенскомъ лагерѣ Бланкаръ. Командиръ карабинернаго полка во времена имперіи, впоследствии начальникъ бригады, онъ сталъ на сторону іюльской революціи. Бланкаръ и полковникъ Опизъ, начальникъ штаба, руководили всѣми подробностями упражненій и продовольствія, были представи-

(*) Маршалъ Сульть родился въ 1769 году; слѣдовательно въ 1833 году ему было 64 года. Въ 1834 году онъ сложилъ съ себя званія президента министерства и военного министра, но въ либеральномъ кабинетѣ, образовавшемся въ 1839 году и продолжавшемся до начала 1840 года, опять былъ президентомъ министерства и министромъ иностранныхъ дѣлъ, а въ исходѣ 1840 года снова президентомъ министерства и военнымъ министромъ. Оба эти званія онъ носилъ до 1846—1847 года. Умеръ въ 1851 году, 82-хъ лѣтъ.

телями взглядовъ герцога Орлеанскаго, которымъ, быть можетъ, давали иногда и другое направленіе. Генераль Бланкаръ считался однимъ изъ лучшихъ инструкторовъ арміи и отличѣйшимъ офицеромъ. Онъ водилъ войска весьма спокойно и осмысленно, и отличался притомъ воинственною осанкою, чѣмъ не могли похвалиться другіе генералы. Всѣ движенія, имъ исполненныя, имѣли практическій характеръ, и бригада его, по обученію и по выправкѣ, заслужила особенную извѣстность. Съ прусскими военными учрежденіями генераль былъ знакомъ коротко и отзывался о нихъ съ похвалою. «Ваша организація превосходна» (*voire organisation est parfaite*), сказалъ онъ; «но мы никогда не дойдемъ до нея, потому что для этого надлежало бы произвести формальный переворотъ въ нашихъ правахъ, обычаяхъ и законахъ, а тутъ еще честолюбцы, недоброжелатели и палаты...» Отдавая полную справедливость прусской кавалеріи, генераль Бланкаръ прибавилъ: «Наша порода лошадей не особенно хороша (*notre race chevaline ne vaut pas grande chose*), да и солдаты наши не любятъ лошадей, вслѣдствіе чего еще въ мирное время мы теряемъ огромное число строевыхъ коней. У насъ есть поля, гдѣ убыль лошадей доходитъ ежегодно до семи процентовъ и болѣе; въ нѣкоторыхъ же поляхъ свирѣпствуетъ сапъ. Почти во всей Франціи надобно выстроить новыя конюшни, потому что старыя пропитаны болѣзнетворными испареніями». Короткими сроками службы въ прусской арміи генераль Бланкаръ былъ недоволенъ; «но мы сами готовы сдѣлать такую же ошибку (*bévue*)», прибавилъ онъ, «и тогда ваша ошибка уравниется...»

Бланкаръ имѣлъ добрыхъ пятьдесятъ лѣтъ, но былъ крѣпокъ и здоровъ. Въ случаѣ войны, онъ, навѣрное, получилъ бы дивизію и показалъ бы себя офицеромъ искуснымъ, предприимчивымъ и опытнымъ.

Военную свиту герцога Орлеанскаго составляли генералы Бодранъ, Марцелинъ Марбо и герцогъ Эльхингенскій, сынъ маршала Нея. Начальникъ штаба, полковникъ Опикъ, также принадлежалъ къ «*maison militaire*» принца, но, кажется, только на время маневровъ.

Прежняя военная служба генерала Бодрана была мало извѣстна между приближенными принца. Въ испанскую войну 1823 года онъ состоялъ при арміи герцога Ангулемскаго, въ качествѣ инженернаго офицера, и впослѣдствіи былъ посылаемъ герцогомъ для осмотра крѣпостей какъ въ самой Испаніи, такъ и въ колоніяхъ. Затѣмъ Людовикъ-Филиппъ назначилъ его адъютантомъ къ своему старшему

сыну. Повидимому, Бодранъ былъ чѣмъ-то въ родѣ фактотума принца, его гофмаршаломъ, генералъ-интендантомъ и первымъ адъютантомъ — человѣкъ благодушный, любезный, тѣломъ и душою преданный принцу. Хотя онъ и сопровождалъ его высочество на маневры, но скоро возвращался во дворецъ, занимался тамъ дѣлами и всегда встрѣчалъ принца у подѣзда непремѣнно въ парадномъ мундирѣ. Самъ принцъ питалъ къ Бодрану полное довѣріе, но, кажется, считалъ его мало компетентнымъ въ вопросахъ военныхъ. На видъ генералу было добрыхъ шестьдесятъ лѣтъ. Тогдашнее состояніе Франціи онъ признавалъ наилучшимъ. — «Мы уgomонили республиканцевъ», сказалъ онъ, «и государи Европы должны быть намъ благодарны. Безъ насъ, вся Европа стояла бы въ огнѣ, потому что эти люди вездѣ имѣютъ сообщниковъ и пособниковъ». Противъ періодической печати Бодранъ былъ раздраженъ до крайности, но полагалъ, что владычество ея скоро кончится; когда же у него спросили, на чемъ онъ основываетъ такое оптимистское мнѣніе, онъ разомъ прервалъ разговоръ. Не задолго передъ нашимъ отъѣздомъ, генералъ много говорилъ о путешествіи принца въ Англію и объ отличномъ приѣмѣ, тамъ ему оказанномъ. «Въ слѣдующемъ году», прибавилъ Бодранъ, «его высочество намѣренъ посѣтить Германію, чтобы познакомиться съ тамошними государями». Такъ какъ я ничего не возразилъ на это, то онъ сказалъ: «больше всего желаетъ принцъ побывать въ Пруссіи и видѣть прусскую армію, о которой говорятъ такъ много». Я отвѣчалъ, что ничто такъ не поучительно, какъ путешествіе цѣлесообразно направленное, и пожелалъ принцу счастья имѣть возможность предпринять его въ назидательномъ обществѣ. Генералъ былъ такъ увѣренъ въ согласіи Людовика-Филиппа на поѣздку сына въ Пруссію, что, прощаясь со мною, возгласилъ:— «И такъ, до свиданія въ Берлинѣ!»—Я уже упомянулъ, что въ войнѣ онъ едва-ли могъ играть какую либо роль, а что до его возрѣній на фортификацію, то онъ былъ чистѣйшимъ вобанистомъ. Въ политическомъ отношеніи Бодранъ былъ доктринеръ.

Генералъ Марбо, кавалерійскій генералъ временъ имперіи, отличался всѣми приѣмами стараго рубаки. Онъ участвовалъ въ наибольшей части наполеоновскихъ походовъ, въ кампанію 1812 года командовалъ полкомъ, а при Ватерлоо бригадою. Полкъ, данный ему въ то время, когда онъ состоялъ адъютантомъ при Масенѣ, въ португальской арміи, принялъ онъ передъ самымъ походомъ въ Россію въ Мекленбургѣ. Новой династіи Марбо, казалось, былъ преданъ; по крайней мѣрѣ онъ питалъ рѣшительное уваженіе и привязанность къ герцогу Орлеанскому, и не могъ довольно наговориться о его сердечной

добротѣ, о его любезности, о его достоинствахъ, какъ создате. Въ начертаннѣ военнаго писателя, генералъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что написалъ, по поводу «*Considérations sur l'art de la guerre*» генерала Ронля, безпощадный комментарий или, точнее, Вдохну критику, которую я воспользовался въ моемъ сочиненіи «*Ansichten über die Kriegskunst im Geiste der Zeit*». Это обстоятельство послужило поводомъ къ объясненіямъ и преніямъ между нимъ и мною и очень скоро повело насъ къ истинно-товарищескому сближенію. При своемъ прямомъ, открытомъ характерѣ, генералъ Марбо не утаивалъ ничего, свободно говорилъ о положеніи дѣлъ и полагалъ, что орлоаниды вѣрно сидѣли на престолахъ. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ тогда правъ: чтобы отецъ столь любимого и уважаемого имъ принца могъ бѣжать изъ Тулузы будто обанкрутившійся торговецъ, этого не пришлось бы ему даже и во снѣ. Впрочемъ, онъ выказывалъ одинаково съ миліонами Французовъ, подобно ему пережившихъ революцію. Странно, что и онъ, какъ парламентъ, вѣрилъ, будто Карлъ X палъ лишь по своей корытительности, *qu'il avait jeté trop tôt le manche après le cognée* (погорѣвшись отчаяться въ успѣхѣ), что не было никакой причины ухватить изъ Франціи...—«*Ah, f—i*» восклицалъ генералъ на своемъ энергическомъ языкѣ: «*si jamais ces badauds de Paris, ces hableurs et blagueurs s'avisent de vouloir chasser le roi il s'en repentiraient l—ent*» (смерть возьми! если бы эти парижскіе зѣваки, враги и хвастуны покупили когда нибудь выгнать короля, они жестоко раскаялись бы), и сдѣлалъ при этомъ пантомиму, какъ будто стрѣляетъ въ толпу... А добрану пришлось, вѣроятно, дожить, что и отецъ его любимого принца бѣжалъ такимъ же образомъ...

Отъ собственно-придворной жизни генералъ Марбо старался держаться подалеже. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ исчезалъ, чтобы выѣхать съ италійстеромъ принца вилуринъ тайномъ трубноу табану..

Герцогъ Эльзингенскій, красивый мужчина, имѣлъ мало сходства со своимъ отцомъ, котораго я не видалъ, впрочемъ, съ 1812 года, когда, на походѣ въ Россію, онъ занялъ квартиру въ домѣ моего отца, и со времени беременной перлпривы. Сыиъ Нея былъ молчаливъ, часто задумчивъ, и велъ себя такъ даже въ сношеніяхъ со своими друзьями. Въ намъ онъ былъ очень внимателенъ, вѣроятно потому, что и всѣ поступали такъ же; но тѣмъ дѣло и ограничивалось. Слава и трагическая судьба отца влияли, нѣтъ сомнѣнія, на обра-

щеніе офицеровъ съ сыномъ: его повсюду встрѣчали съ предупредительностію.

Конниенскій лаверъ былъ насквозь пропитанъ орсеанистскими духомъ, и я не замѣтилъ даже слѣдовъ варлентскихъ сипатій, которыя въ Сентъ-Омерѣ проявлялись изрѣдка, въ Рокруа нѣсколько рѣзче, а въ Ватиньи выступали съ какою-то хвастливостію. Мы пережили, такимъ образомъ, формальную градацію политическихъ мнѣній.

Проставившись еще съ нѣкоторыми лицами, мы отправились въ Парижъ. Здѣсь мы посвятили намѣ время осмотру нѣсколькихъ военныхъ учреждений и посѣщенію музеевъ и библиотекъ; но такъ какъ мы не имѣли, относительно столицы Франціи, особенныхъ порученій, исполненіе которыхъ потребовало бы продолжительнаго пребыванія, то оставались здѣсь недолго. Нашъ посланникъ, баронъ Вертернъ, принялъ насъ очень радушно, равно и майоръ Клеръ, нашъ военный агентъ. По странной случайности, газета «Темпс», считавшаяся органомъ Тьера, напечатала, въ день нашего обѣда у посланника, злую статью противъ Пруссіи, а въ то время, когда мы сидѣли за столомъ, баронъ Вертернъ получилъ дружескую записку отъ Тьера, въ которой онъ самымъ любезнымъ образомъ извѣщалъ о случившейся въ Испаніи катастрофѣ (*). Я и мои спутники были внѣ себя отъ такой двуличности; господа же дипломаты, привыкшіе вѣрять къ подобнымъ выходкамъ, не находили въ томъ ничего необыкновеннаго, и баронъ Вертернъ даже похвалялъ Тьера за любезность....

Дорожа временемъ, мы скоро уѣхали въ Люневиль, куда прибыли 8-го октября. Здѣсь мы нашли въ сборѣ шесть кирасирскихъ полковъ (1-й, 4-й, 5-й, 8-й, 9-й и 10-й); но они стояли не въ лагерѣ: четыре изъ нихъ были расположены въ городѣ гарнизономъ, остальные два вызваны изъ окрестностей. Командовать этими полками генераль Жакино, бригады, по три полка, находившихъ подъ начальствомъ генераловъ Вильята и Гюскера.

Генераль Жакино еще въ 1812 году командовалъ дивизіей въ русскую кампанію, а потомъ при Ватерлоо; при Бурбомахъ онъ былъ однимъ изъ генералъ-инспекторовъ. Всею своею жизнью прослужилъ онъ въ легкой кавалеріи, и, по собственному признанію, тяготился командою надъ тяжелой дивизіей; тѣмъ не менѣе ему коротко были

(*) 29-го сентября 1833 года умеръ король Фердинандъ VII. Королевою была провозглашена въ Мадридѣ его трехлѣтняя дочь, подъ именемъ Изабеллы II, а правительницею вдовствующая королева Христина.

известны условия учебных маневровъ, равно и требованія малой войны. По крайней мѣрѣ такъ говорили офицеры въ лагерѣ.

Порядокъ и дисциплина въ полкахъ были образцовые. Особенно отличался 5-й полкъ, который въ июльскую революцію, оставивъ своихъ офицеровъ, пришелъ въ Парижъ и отдалъ себя въ распоряженіе правительства. Въ казармахъ и въ конюшняхъ царствовало благоустройство; маневры исполнялись съ большимъ спокойствіемъ. Атака шести полковъ, построенныхъ въ линію, была весьма удачна, и исполнена, противъ обыкновенія, не рысью, но на всѣхъ аллюрахъ, до карьера включительно. Самъ генералъ ѣхалъ съ полками бодро, но, какъ намъ показалось, не вполне увѣренно сѣдѣлъ въ сѣдлѣ. Въ продолженіе всего маневра онъ не перемѣнялъ лошади и нимало не берегъ «son cheval Limousin», какъ онъ выражался. — «Солдатъ», замѣтилъ генералъ Жакино, «гораздо тяжеле нашего брата, да еще вдоволь навьюченный, ѣздитъ постоянно на одномъ и томъ же конѣ, и я не вижу причины, почему намъ, офицерамъ, нельзя обойтись одною лошадейю». — На слова мои, что наши генералы перемѣнили бы, въ день подобнаго маневра, нѣсколько лошадей, онъ возразилъ, что это значить «не умѣть беречь (économiiser) силы», и что если его конь не захромаетъ или не заболѣетъ, то онъ всегда будетъ ѣздить на одномъ и томъ же. — «Конь кровный; его кормятъ сытнѣе чѣмъ солдатскую лошадь и содержатъ въ лучшей конюшнѣ; уборъ на немъ легче, и потому въ мирное время за-глаза достаточно одной верховой лошади».

Несмотря на свои добрыхъ шестьдесятъ лѣтъ, генералъ Жакино былъ половъ жизни, огня и весьма дѣятеленъ; но сохранять-ли свою цѣну эти качества въ войнѣ, рѣшить не могу. Впрочемъ, онъ считался однимъ изъ лучшихъ кавалерійскихъ генераловъ арміи. Съ утонченною любезностію онъ соединялъ много добродушія. Женатый на графинѣ Ауэрсбергъ съ 1808 года, онъ былъ большимъ пріятелемъ нѣмцевъ, и этому, конечно, обстоятельству должны мы приписать сдѣланный намъ хорошій пріемъ. Былъ-ли генералъ Жакино приверженцемъ новаго порядка вещей во Франціи, сказать опредѣлительно нельзя: онъ отзывался съ глубокимъ уваженіемъ о старшей линіи Бурбоновъ и, подобно караястамъ, полагалъ, что она поторопилась кончить игру и не употребила въ дѣло средствъ, которыми еще владела. О королѣ Людовикѣ-Филиппѣ онъ не говорилъ ни слова; но противъ герцога Орлеанскаго былъ нѣсколько раздраженъ за то, что тотъ не пріѣхалъ смотрѣть его дивизію. — «Вотъ таковы-то молодые принцы!», сказалъ старый генералъ. — «Здѣсь онъ могъ бы

видѣть, наблюдать, можетъ быть и поучиться, а не хочетъ воспользоваться случаемъ». Отъ журналистовъ, республиканцевъ и лафайетистовъ генералъ Жакино выходилъ изъ себя, лишь только рѣчь касалась ихъ.—«Sacredieu!» воскликнулъ онъ: «если когда-нибудь насъ пошлютъ противъ этихъ каналій, какъ славно потѣшились бы мы надъ ними» (*marcher sur le ventre*). О социальномъ положеніи Франціи старикъ отзывался презрительно. — «Мы посиѣмъище Европы: сегодня подавай намъ одно, завтра другое!... Мы настоящіи дѣти, которыя чрезъ каждыя двѣ недѣли хотятъ имѣть новую куклу!... Положимъ, что наши реформаторы честные люди, желающіе намъ счастья; но, *en attendant*, они требуютъ доходныхъ должностей, высокихъ званій, прекрасныхъ помѣстій и замковъ.... Французамъ нуженъ Наполеонъ, который водилъ армію къ побѣдѣ и держалъ народъ въ ежовыхъ рукавицахъ....»

За столомъ, генералъ Жакино, въ порывѣ откровенности, любилъ толковать о политикѣ. Такъ, за обѣдомъ, даннымъ въ честь нашу генераломъ Вильямомъ, онъ сказалъ:

— «Вашъ король добрѣйшій и честнѣйшій человекъ; но онъ поступилъ несправедливо и неполитично, взявъ себѣ Саарлуи. Если бы онъ оставилъ намъ это старинное владѣніе Франціи, мы были бы лучшими друзьями. Онъ долженъ возвратитъ намъ Саарлуи....»

— «Генералъ! Франція обязана королю большимъ», возразилъ я. «Вы знаете, что Страсбургъ, Мецъ, Нанси, даже Люневиль принадлежали нѣкогда Германіи, и Франція обязана великой умѣренности короля тѣмъ, что онъ не простеръ на нихъ своихъ требованій....» (*).

— «Sacredieu!» воскликнулъ генералъ, захохотавъ. — «Славный же у него аппетитъ!... Миѣ приходится замолчать, а то, пожалуй, онъ объявитъ притязанія и на мою дивизію....»

Эта острота такъ полюбилась старику, что онъ еще разъ повторилъ ее и опять занялся добродушнымъ смѣхомъ.

При прощаніи генералъ сказалъ намъ:—«Передайте вашему правительству, что вы нашей здѣсь *«une division d'ordre»*, и сообщите все, что вы видѣли у насъ хорошаго и дурнаго.... А его величество поблагодарите отъ моего имени за то, что онъ прислалъ въ

(*) Франція обязана цѣlostію своей территоріи, послѣ низверженія Наполеона I, не прусскому королю, а единственно и исключительно великодушному и настойчивому заступничеству, на вѣнскомъ конгрессѣ, императора Александра I. Напротивъ, прусаки, и нѣмцы вообще, ничего такъ не желали въ 1814 году, какъ отторгнуть отъ Франціи Эльзасъ и Лотарингію. Война 1870 года осуществила ихъ исконныя желанія.

люневильскій лагерь офицеровъ, а именно вась, господа...» прибавилъ любовный генералъ Жаквно.

Командовавшій первую бригадою кирасирской дивизіи, генералъ Вильягъ, былъ, въ молодости, адъютантомъ Бернадота. Онъ старшій братъ генерала Вильяга, любимца Карла X, занимавшаго въ эпоху июльской революціи постъ губернатора Лотарингіи. Если не ошибаюсь, онъ началъ службу при національной гвардіи въ Мецѣ, и, имѣя отличный голосъ, мастерски спѣлъ марсельезу по поводу какого-то національнаго праздника; это приписали его патриотизму, и одинъ изъ «представителей народа» произвелъ его въ капитана. Посланный Бернадотомъ въ главную квартиру маркіза Романа осведомиться о тамошнихъ дѣлахъ, Вильягъ сообщилъ оттуда самыя успокоительныя извѣстія; но едва онъ выѣхалъ, совершилась та знаменитая катастрофа, которую маркизъ де-ла-Романа велъ такъ хитро и такъ скрытно (*). Имѣя хорошее состояніе, нося званіе маркіза, и будучи красивымъ мужчиною, генералъ Вильягъ, при всѣхъ превратностяхъ, всегда умѣлъ доставить себѣ пріятное положеніе при дворѣ Карла X. Воспоминанія объ этомъ сохранились въ немъ живо и онъ любилъ поговорить о прошломъ. Въ политическомъ отношеніи онъ всецѣло раздѣлялъ мнѣнія генерала Жаквно и былъ рѣшительнымъ врагомъ республиканцевъ и «движухъ выходухъ печати» (*salva-geries de la presse*), какъ онъ выражался. Въ «*ordre de bataille*» тяжелой конницы генералъ Вильягъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо водилъ бы свою бригаду, но былъ ли онъ въ состояніи совершить что-нибудь особенное какъ самостоятельный начальникъ—въ этомъ я позволяю себѣ усомниться. Хотя ему было не болѣе сорока лѣтъ,

(*) Въ исходѣ февраля 1808 года, Данія объявила войну Швеціи, какъ союзницѣ Англій. Планъ заключался въ томъ, чтобы извлечь пользу изъ союза заключеннаго съ Наполеономъ, и, въ вознагражденіе за уведенный англійчанами флотъ, овладѣть, при помощи французскихъ войскъ, шведскою областію Сконіей, извѣгда принадлежавшею Даніи. Съ этою цѣлію вступила въ Данію, подъ начальствомъ Бернадота, армія, состоявшая отчасти изъ испанскихъ полковъ, и маршалъ уже отправился въ Копенгагенъ для соглашеній по предположенному вторженію въ Сконію. Испанскимъ отрядомъ (18,000 человекъ) командовалъ маркизъ де-ла-Романа. Онъ хотя и присягалъ, вмѣстѣ съ большинствомъ испанцевъ, королю Іосефу Бонапарте, но узнавъ, по прибытіи въ Данію, отъ начальника англійскаго флота, стоявшаго въ виду датскихъ береговъ, о намѣреніи Наполеона поработить Испанію, рѣшился посвятить себя на защиту отечества. Условившись съ англійскимъ адмираломъ, маркизъ де-ла-Романа овладѣлъ, 9-го августа, датскою крѣпостію Ниборгомъ и отсюда переправился, со своими испанцами, на англійскихъ транспортныхъ судахъ. Но тѣ испанскіе полки, которые были расположены на островѣ Зеландіи, не успѣли послѣдовать этому примѣру: они были обезоружены датчавами и отправлены въ Германію, въ качествѣ военнопленныхъ.

однако онъ казался нѣсколько апатичнымъ для того, чтобы играть роль предъ лицомъ противника предприимчиваго. Впрочемъ, онъ вынесъ изъ войны извѣстность офицера годнаго и хорошаго.

Командиръ второй бригады, генералъ Гюслеръ, славился какъ отличный кавалерійскій офицеръ и, вмѣстѣ съ генералами Эксельмансомъ, Жакино, Кольберомъ, Лавустиномъ, Сентъ-Альфонсомъ, Бланларомъ и Удино, выдвигался какъ лучший представитель этого оружія. Родомъ эльзасецъ, онъ изъ трубачей дослужился до генеральскаго чина. Июльская революція застала его полковникомъ 1-го карабинернаго полка, на который и теперь еще указываютъ какъ на полкъ образцовый. Не будучи противникомъ новаго порядка дѣлъ, Гюслеръ сохранилъ, однако, благодарныя воспоминанія о прежней династии, и, вмѣстѣ со многими офицерами, выражалъ увѣренность, что если бы Карлъ X проявилъ побольше мужества, то непременно удержался бы на престолѣ. Несмотря на свои пятьдесятъ три года, генералъ былъ весьма бодръ, вѣрнокъ и всегда занятъ службою. При Элингѣ онъ отличился въ званіи эскадроннаго командира и съ тѣхъ поръ сохранилъ за собою репутацію въ высшей степени способнаго офицера. Полагали, что ему скоро дадутъ дивизію, а въ газетахъ уже писали, что онъ получитъ ее въ observationalномъ швейцарскомъ корпусѣ. Характеристическая черта его—присутствіе духа, которое, говорятъ, никогда не оставляетъ его; но онъ нечуждъ медлительности въ принятіи рѣшенія. Передъ фронтомъ генералъ Гюслеръ держалъ себя молодцомъ, самоувѣренно и хладнокровно.

Онъ занималъ ту часть люневильскаго дворца, гдѣ жилъ нѣкогда Станиславъ Лещинскій. Мы осматривали дворецъ въ сопровожденіи генеральскаго адъютанта. Комната, въ которой умеръ польскій король, сохранилась хорошо. Въ 1829 году, въ такъ называемой тронной залѣ, впрочемъ необширной, нынѣшній герцогъ Орлеанскій, тогда еще герцогъ Шартрскій и полковникъ гусарскаго полка, принималъ гостей по поводу смотра, въ тотъ годъ происходившаго. — «Герцогъ», сказалъ намъ нашъ любезный чичерони, «принадлежалъ тогда къ оппозиціи, и, какъ ни мала эта комната, однако она всегда была наполнена едва въ половину, а часто казалась и порядочно пустою». По словамъ нашего вожатаго, нынѣшній герцогъ Орлеанскій не игралъ въ то время никакой видной роли, былъ вялъ, нерѣшителенъ и мало любимъ офицерами; генералы же обращались съ нимъ такъ, какъ будто онъ принадлежалъ только къ числу полковыхъ командировъ, а не къ королевской фамилии. — «Я часто видалъ его», сказалъ одинъ офицеръ, «se perdre dans la foule dans les cercles des généraux»

(«затерявшимися въ толпѣ при собраніяхъ генераловъ»). — Въ Люневиль принцъ не пріѣзжалъ, по мнѣнію генерала Гюслера, потому, что Нанси и окрестности были наполнены республиканцами и была поводъ опасаться какихъ-нибудь неприятностей.

Генерала Эксельманса я имѣлъ случай наблюдать въ Компьенѣ. Онъ совершенно опустился, былъ «tout à fait sur le retour, usé», какъ говорятъ французы, и, сколько мнѣ показалось, вовсе негоденъ къ боевой службѣ.

Окончивъ нашу поѣздку за нѣсколько дней до половины октября, мы могли придти къ убѣжденію, что собрали всѣ матеріалы необходимыя для удовлетворительнаго очерка французской арміи. Мы имѣли право признать ее вполнѣ боевою арміей, хорошо вооруженною, снаряженною и готовою собрать отъ 60 до 80,000 человекъ на любомъ пунктѣ границъ скорѣе, нежели мы сами, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ монархіи спѣшили бы подарѣвленія. Духъ арміи былъ, конечно, неодинаковъ (въ смыслѣ политическаго раздѣленія); но можно было вѣрить, что, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, все соединится вокругъ знамени славы и чести. Не имѣлось причины предполагать, чтобы армія измѣнила Франціи; меньше же всего можно было опасаться, чтобы она вняла республиканскимъ внушеніямъ. Я говорилъ, напримѣръ, съ весьма многими іюльскими солдатами, которые или вовсе не носили іюльской медали, или носили ее неохотно. Одинъ унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ: — «Ma foi, je l'ai gagné n'étant point encore soldat; dans ma situation actuelle, elle me gêne». («Признаюсь, я получилъ медаль въ то время, когда еще не былъ солдатомъ; въ нынѣшнемъ же моемъ положеніи она мнѣ въ тягость»).

Дисциплиною офицеры были вообще довольны, даже въ тѣхъ полкахъ, которые, при взрывѣ революціи, явили себя злонаштреными и непослушными. Арсеналы были снабжены всѣмъ необходимымъ; въѣзды нами видѣны: Мецъ, Дуэ, Рокруа, Валансьенъ, Мезьеръ, въ хорошемъ состояніи. Корпусъ офицеровъ заключалъ въ себѣ много достойныхъ сочленовъ, отличившихся въ африканскихъ экспедиціяхъ и еще недавно доказавшихъ свои способности подъ Антверпеномъ.

Самое пагубное вліаніе на моральную сторону арміи оказывалъ способъ набора замѣстителей. Во всей странѣ были открыты «bureaux de remplacement, assurances contre toutes les chances de la conscription» («конторы замѣщенія, страхованія отъ всякихъ случайностей конскрипціи»), которыя безсовѣстнымъ образомъ набирали замѣстителей, подхватывая всякаго негодая и поставляя его

въ армію. Большинство этихъ людей отличались дурнымъ поведеніемъ, были судимы за проступки и преступленія и понесли самыя тяжкія наказанія. Надобно надѣяться, что впоследствии хорошее законодательство искоренитъ это зло (*).

Национальная гвардія, считавшаяся резервомъ, хотя и не могла быть сама по себѣ употреблена съ успѣхомъ противъ непріятеля, однако заключала съ себѣ удовлетворительные элементы для пополненія арміи. Въ большихъ городахъ нами видѣнныхъ: въ Мецѣ, въ Седанѣ, въ Арасѣ, въ Севтъ-Омерѣ, въ Лилѣ, въ Валансьенѣ, въ Реймсѣ, въ Нанси, баталіоны ея были хорошо одѣты и вооружены, а вольтижерныя роты, большею частію, даже очень хороши; въ маленькихъ же городахъ, каковы Рокруа, Мобежъ, Бетюнь, и городскіе, и сельскіе баталіоны—плохо. Въ большихъ городахъ даже конная національная гвардія представляла весьма порядочный видъ. Правда, люди позволяли себѣ разныя вольности, напримѣръ являлись съ трубками въ зубахъ, вовсе не соблюдали строго-военной выправки, но, распределенные по полкамъ, они сравнялись бы съ регулярными солдатами. Употребленная въ массѣ, національная гвардія могла бы произвести сцены, подобныя случившимся въ первое время революціи. Дѣйствительно, эти вооруженные ополченцы воображаютъ себя до того всемогущими, что буржуазія готова остановиться на мысли опять играть ту же роль, которую она играла въ эпоху Фронды, во французскую революцію и въ ближайшее къ намъ время. Даже суровый Людовикъ XI струсилъ однажды передъ вооруженнымъ парижскимъ мѣщанствомъ, хотя самъ же далъ ему оружіе противъ дворянства (**).

Черезъ Саарлаун, Майнцъ и Франкфуртъ мы возвратились въ отечество.

Король остался очень доволенъ исполненіемъ возложеннаго на насъ порученія и выразилъ мнѣ особенное благоволеніе въ приказѣ.

— «Ну, теперь мы знаемъ, наконецъ, какова французская армія, послѣ того, что наслушались о ней столько вздоромъ», сказалъ онъ генералу Вицлебену.

Самыя наши донесенія читались впоследствии съ жадностію, и я долженъ былъ, вслѣдствіе неоднократно выраженныхъ желаній, сообщить ихъ всѣмъ командующимъ генераламъ.

(*). Надежды Брандта не исполнились: зло продолжало существовать и при Людовикѣ-Филиппѣ, и при Наполеонѣ III. Т.

(**) Новѣйшими событіями подтвердилось вполне мнѣніе генерала Брандта о французской національной гвардіи. Т.

Какъ удивительно складывается иногда жизнь людей, приѣзрошь можетъ служить слѣдующій фактъ: въ лагерѣ при Ватиньи, между генеральскими ординарцами, находился поручикъ 20-го линейнаго полка Макъ-Магонъ, состоявшій въ должности адъютанта при генералѣ Жаменѣ. Онъ ѣздилъ на прекрасномъ англійскомъ конѣ, но имѣлъ несчастіе упасть съ него два раза въ одинъ день. — «C'est un officier très zélé», говорили намъ, «mais il a le malheur de se détacher bien souvent de son cheval». («Онъ очень усердный офицеръ, но, къ несчастію, довольно часто сваливается съ лошади»). Въ «Annuaire» на 1834-й годъ этотъ офицеръ показанъ состоящимъ при 1-мъ кирасирскомъ полку. Нынѣ онъ *маршалъ Макъ-Магонъ, герцогъ Маджентскій*... (*) Имя его красуется между первыми военными репутаціями Франціи, тогда какъ изъ всѣхъ генераловъ и офицеровъ, видѣтъ съ нимъ служившихъ, и изъ которыхъ многіе увлажили своею кровью всѣ боевыя поля Европы и Африки, лишь немногіе едва достигли того, что имена ихъ упоминаются съ почетомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Sic variant fata hominum.

(Вотъ такъ-то измѣняются судьбы людей).

(*) Въ 1833 году Макъ-Магону было двадцать шесть лѣтъ (род. въ 1807 году). Въ первый разъ онъ оказалъ отличіе въ 1837 году при взятіи Константины; въ 1845 году былъ произведенъ въ полковники, въ 1848 году въ бригадные генералы, въ 1852 въ дивизионные генералы и въ 1855 году получилъ, послѣ Кап-робера, дивизію въ крымской арміи. Въ главѣ этой-то дивизіи онъ велъ штурмомъ бастионъ Корнилова. Затѣмъ Макъ-Магонъ былъ назначенъ сенаторомъ и командующимъ войсками въ Алжирѣ. Въ итальянскую войну 1859 года онъ командовалъ 2-мъ армейскимъ корпусомъ и былъ главнымъ виновникомъ побѣды французовъ при Маджентѣ, за что и получалъ титулъ герцога Маджентекаго. Въ послѣднюю войну Макъ-Магонъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на него и арміей, и вообще французами.